

Виталий Кудик

**Лауреат литературной премии
имени Кирилла Туровского**

ВЕДЬМА ПОЛЕССКАЯ

Виталий Кулик

Ведьма полесская

«Автор»

2026

Кулик В. Е.

Ведьма полесская / В. Е. Кулик — «Автор», 2026

Белорусское Полесье, середина 19 века Глухой ночью на незнакомой дороге с главным героем Прохором Чигирём происходит ужасное событие: злой рок сводит его со старой ведьмой, держащей в страхе всю округу. Подавив волю ничего не подозревавшего путника, ведьма заставляет его видеть то, чего на самом деле не было: она предстаёт перед молодым парнем в обличье девушки-красавицы. Но на этот раз матёрая ведьма просчитывается, недооценивает незнакомца, ещё с детства усвоившего наставления своего деда, знахаря из рода Чигирей. Ведьма терпит главное поражение в жизни, получив в противостоянии уродливый ожог лица. Теперь только страшной мстью живёт старуха, обманом вовлекая в свои замыслы дочку-красавицу, на свою беду, влюбившуюся в нового панского лесника (Прохора). В жизни персонажей бьют ключи любви и ненависти, ужаса и народного юмора, мистики и реальности, но никто из главных героев даже и не подозревает, что над всеми ими нависла одна общая беда...

© Кулик В. Е., 2026

© Автор, 2026

Виталий Кулик

Ведьма полесская

Ведьма полесская

Глава 1

Солнце уже начало клониться за полдень. Короткий зимний день, не успев заняться, спешил опять погрузиться в морозную спячку. Но времени до наступления сумерек оставалось ещё достаточно.

Он быстро шёл без остановок и отдыха вот уже, наверное, вёрст двенадцать. Лишь в местах, где обнаруживал следы диких зверей, замедлял ход и внимательно изучал их.

Усталости не чувствовалось. Молодой и крепкий организм Прохора без особого напряжения переносил длительные походы по выслеживанию и добыче зверя, в изобилии водившегося в диковатом и болотистом крае припятского Полесья. Короткие и широкие лыжи-снегоступы, сделанные своими руками, не давали глубоко вязнуть в снегу и были очень удобны для ходьбы по лесистой местности.

Сделав огромный крюк, Прохор убедился, что следов выхода стада из урочища нет. Ещё немного – и можно возвращаться домой. Задача, поставленная паном Войховским Егором Спиридоновичем, почти выполнена: стадо диких кабанов прикормлено и выслежено.

Остановившись, Прохор обвёл взглядом вокруг. До завершения обхода осталось совсем чуть-чуть, какая-то четверть версты. К завтрашней панской охоте всё складывалось благополучно. Что ж, хорошие вести приятно нести.

Прохор уже начинал подумывать о миске наваристых щей да о шкалике* горелки на панской кухне, однако этим мыслям недолго пришлось занимать голову охотника. Почти в самом конце его путь пересекала ровная цепочка следов, которые были хорошо ему знакомы ещё с самого детства. Внимательно рассмотрев их, Прохор понял, что о сытной вечере можно забыть. Да и завтрашняя охота вряд ли состоится.

Сдвинув аблавуху* повыше на макушку, он почесал пятерней взопревший лоб и с досадой тихо выругался: «Тьфу, чёрт! Ты в гору – он за ногу!»

Если бы Прохор, обнаружив следы кабанов, пошёл в обход с правой стороны, то уже через какую-то сотню шагов он бы обязательно наткнулся на эту волчью тропу. В таком случае уже не было б нужды делать огромный крюк, обходя урочище с левой стороны.

Охотник озадаченно глядел на возникшую каверзу. Внешне было похоже, что прошёл один волк. Но Прохор как опытный следопыт по едва заметным признакам видел, что здесь след в след прошла стая: волков шесть-семь – не меньше! И шли серые за стадом явно не на прогулку, а с твёрдым намерением завалить добычу подступнее. Волчий глаз безошибочно выберет из дюжины животных наиболее лёгкую жертву. При удачной охоте стаи добычей чаще всего становятся слабые или раненные взрослые особи, а также ещё не набравший силы и опыта молодой.

Но теперь уж неважно, попадётся кто в зубы хищникам или нет. Ясно одно: стада кабанов к завтрашнему утру здесь и в помине не будет. А это значит, что пан Войховский будет крайне недоволен. К нему специально на эту охоту приехал близкий его друг и тоже заядлый охотник пан Хилькевич. Прибыл гость со своим сыном. И интерес к этим гостям у Егора Спиридоновича был особый.

Пана Войховского и пана Хилькевича связывала давняя дружба и, конечно же, здоровое соперничество в охотничьей фортуна. В этот визит оба помещика хотели поближе познакомиться своих детей. Ведь у пана Войховского старшая дочь была уже взрослая, на выданье.

Девушка умная и довольно приятной внешности, и родители были не против серьёзных отношений между их детьми. Ну а там, глядишь, дело и к свадьбе продвинется.

Обе семьи придерживались прогрессивных взглядов и хотели, чтобы их дети женились не по расчёту и не по указанию стариков, как зачастую это происходило с давних времен. Хотя, конечно, и теперь никто не был бы в восторге от появления в доме нищего зятя или невестки-бесприданницы.

В идеале же Войховский и Хилькевич желали, чтобы в браке их детей имели место достойная обеспеченность, знатность и любовь. Всё это было возможно, если их дети, к немалой радости родителей, понравятся друг другу и изъявят взаимное согласие на вступление в брак. И для начала, как казалось обоим сторонам, удачная охота будет отличным подспорьем в их затее.

Но, похоже, отличное подспорье для панов оборачивалось отличным поводом для панского недовольства молодым ловчим.

Отпугивать хищников не имело смысла: вместе с волками насторожатся и покинут эти места и кабаны.

Солнце уже зацепилось за верхушки далёких деревьев. Вот-вот начнут сгущаться сумерки. А обратный путь неблизкий. Хочешь не хочешь, но возвращаться надо. Теперь уж с поганой весточкой.

Постояв и немного поразмыслив, Прохор медленно поплёлся к тому месту, откуда начал обход. Вместо думок о щах в голове теперь тревожно роились слова и оправдания, которые скоро предстоит сказать пану Войховскому.

Прохору очень не хотелось подводить Егора Спиридоновича, пообещавшего гостям устроить захватывающую охоту на вепря. А больше всего молодому охотнику не хотелось встретиться с панским взглядом, полным укора и разочарования. Уж лучше бы Егор Спиридонович ругался и поносил своего холопа на чём свет стоит!

А вот и следы кабанов. Завтра стадо, возможно, будет оставлять за собой на один след меньше.

С понурым взглядом Прохор пересёк взрыхлённый снег и, не останавливаясь, вышел на свою лыжню. Сделав несколько шагов, он вдруг замер и резко обернулся. Что-то здесь было не так! Что-то он пропустил!

Прохор быстро вернулся к следам кабанов. Так и есть!

Внимательно глянув на снег, молодой охотник не поверил своим глазам: за то время, что он делал крюк, поверх кабаньих следов появились ещё одни свежие отпечатки. Такого в здешних лесах Прохору ещё ни разу не доводилось видеть.

«Это что за невидаль такая?» – пронеслось в голове парня, и сердце его взволнованно забилось. От величайшего изумления даже глаза округлились. Присев и осторожно ощупав незнакомый след, Прохор недолго ломал голову. Хотя он никогда и не видел живого медведя, но, вполне очевидно, именно этот зверь недавно прошёл здесь.

Следы на снегу были большие и глубокие, что указывало на внушительные размеры и тяжеловесность хищника.

Прохор ещё от деда слышал, что в здешних лесах когда-то давным-давно водились медведи. Сейчас же их здесь днём с огнём не сыщешь. Но все-таки бывалые охотники от возможности появления такого зверя не отмахивались.

На Полесье среди болот и лесов есть множество глухих мест, где ещё не ступала нога человека, и возможно, этот медведь вылез из какого-нибудь богом забытого и человеком не найденного укромного уголка. Но даже если бы это и было так, то ему сейчас в самую пору лежать в тёплой берлоге, а не шастать по сугробам.

Молодой охотник продолжал сидеть на корточках перед диковинными следами и, глядя на них, пытался истолковать для себя, что бы это всё означало. Наконец, что-то надумав, он решительно вскочил и быстро двинулся по медвежьему следу, только в обратную сторону.

Пробежав на снегоступах изрядное расстояние, Прохор обнаружил, что медведь несколько раз переходил с кабаньих следов на следы волчьих. Было заметно, что он часто топтался на месте, видимо, долго принюхивался и пребывал в неуверенности, на что-то решаясь.

Прохор отлично знал образ жизни и повадки диких животных. Сопоставив всё увиденное со своими знаниями и опытом, он пришёл к выводу: медведь-шатун, скорее всего, пришлый, а задумка у голодного зверя была под стать талантливому стратегу.

Из книги на снегу, прочтённой следопытом, выходило, что волчья стая шла охотиться на кабанов. Прохор отлично знал, как мастерски волки устраивают совместную охоту, в которой всё строго распределено: одни гонят добычу, а наиболее опытные и матерые нападают.

Медведю, более крупному и мощному, такое не под силу. Он одним ударом лапы может сломать хребет взрослому кабану, но для этого нужно сначала приблизиться к добыче. А зимой для медведя это почти невозможно. Из всего и выходило, что медведь, интуитивно чувствуя скорую кровавую резню, шёл не за кабанями, а за стаей, чтобы в случае удачной волчьей охоты попытаться отнять добычу у серой шайки. И если уж он решился на такой опасный шаг, значит, либо был уверен в своей силе, либо голод вынудил его рискнуть своей шкурой. А возможно, здесь имело место и то и другое. В любом случае добычу свою волки вряд ли отдадут просто так!

Сейчас зверь находился где-то недалеко и, скорее всего, останется здесь надолго – живой или мёртвый. Сможет отнять у стаи добычу – будет с пищей и живой. Не хватит силёнок на свою задумку – недолго протянет голодный и с изорванной волками шкурой.

«Да-аа... – тихонько протянул Прохор, – похоже, здесь и в самом деле назревает кровавая пирушка. И будет это, судя по всему, ночью или ранним утром. Что ж, вот теперь не медля к пану Войховскому. Вместо охоты на вепря может получиться охота на более достойного и редкого зверя».

Прохор вскочил на снегоступы и почти бегом помчался к маёнтку* пана Войховского.

Вот уже пройдена большая часть обратного пути. Почувствовалась усталость. Прохор сбавил темп и пошёл медленнее. Мысли о предстоящей охоте плавно сменились невесёлыми думами о тяжкой доле и убогой жизни крепостного селянства. Думал Прохор и о своей судьбине. Как она сложится и что его ждёт впереди? Незаметно мысли зацепились за воспоминания из детства...

Глава 2

Семья Чигирей была крепостной, и все они, от новорождённых и до глубоких старцев, являлись собственностью пана Войховского Егора Спиридоновича.

Ещё после раздела Речи Посполитой около полумиллиона белорусских крестьян оказались в собственности русских помещиков. Егор Спиридонович был сыном одного из дворян, который в числе первых получил во владение поместье на новых землях, вошедших в состав Российской империи.

Имение пана Войховского находилось чуть восточнее центра Полесского края, недалеко от волостного селения Петрикова.

Вокруг простирались уникальные, можно сказать, девственные природные просторы. Редко разбросанные хутора и деревеньки полешуков* терялись среди первозданных лесов и болот, и, казалось, были оторваны от всего мира. И даже служивые люди царя Российского как-то говаривали Егору Спиридоновичу об одном из близлежащих уголков этого края: «В Лясковичах были по делам ревизским... Селение настолько обособленно, что имеет вид непримет-

ного застенка матушки природы. Ни туда попасть, ни оттуда выбраться. Там и царь, и бог – местный помещик Киневич...» На что пан Войховский, кивая в знак согласия, отвечал: «Особенность жизни у полешуков такова, и никто из них не горит желанием самопроизвольно покинуть родные места. Безмерно любят они свой край. Огромное Полесье у них одно на всех, но у каждого в сердце есть ещё и своё маленькое полесье – отчий кров. Люди свыклись с укладом такой жизни, и что-то менять не помышляют. Да, цивилизация в эти уголки не скоро доберётся со своими соблазнами и искушениями, которые очень быстро развращают человека... Так что этот народ по-своему счастлив в единстве с Богом и природой».

Так и крепостная семья Чигирей, отпрыском которой был Прохор, свято чтит Бога и своего существования в отрыве от природы вообще не мыслила.

Отец Прохора, Чигирь Григорий Максимович, служил у пана Войховского и объездчиком лесных угодий, и смотрителем всего охотничьего снаряжения. Он оберегал лес от самовольных порубок, браконьерства, а зачастую по мере надобности сам добывал дичь к панскому столу. Григорий Чигирь делал всё толково и со знанием. В общем, нёс службу исправно, за что не имел серьёзных нареканий со стороны панской милости.

В детстве Прохор испытывал к батьке двойственное чувство. Как и все крестьянские дети, он побаивался его строгости, но в то же время Прохор и обожал его за то, что батька с особой заинтересованностью приучал сына к своей работе. А мальчишке это очень нравилось.

Гришак – так в деревне звали Григория Чигиря – не прочь был пропустить и шкалик-другой горелки. Но в стельку он напивался редко, а уж если такое случалось, то дома учинялся настоящий разгоняй. Доставалось всем, но больше всех от таких завихрений Гришака страдала мать. Несмотря на это, Гришак слыл хозяином расторопным. Семья имела хоть и не зажиточный уровень, но и не бедствовала, не перебивалась с хлеба на воду. Хотя, как и у большинства крестьян-полешуков, у Чигирей было в жизни немало тяжёлых моментов, когда всей семье приходилось давиться пушным хлебом*.

Любовь к природе родного края была заложена в роду Чигирей самим Богом. Менялась панская власть, менялись управляющие и приказчики, а вот что относилось к службе, связанной с лесом, то Чигирей никто менять и не подумывал, потому что работников лучше, чем они, было не сыскать.

Как некогда дед брал с собой, тогда ещё девяти-десятилетнего Гришака, так и Гришак начал примерно с такого же возраста брать Прохорку с собой на обходы лесных угодий. Такие вылазки для мальчишки всегда были наполнены интересными встречами с обитателями лесного царства. И каждое такое событие сопровождалось не менее интересным рассказом или пояснением о повадках и жизни увиденной птицы, зверька или редкого растения.

Но особо необыкновенные впечатления остались у Прохора от охотничьих походов с ночёвкой. Обычно батька и дед шли с ночёвкой на токующую пернатую дичь к утренней зорьке, и Прошка, которому в ту пору было чуть больше десяти годков, едва ли не со слезами упрашивал взять и его с собой. Уж больно заманчиво было провести время у костра в ночном лесу. Конечно, почти все охотники обходились без ночёвок, не было в этом такой уж необходимости. Но и дед, и отец Прохора находили в таких вылазках отдушину от будничных селянских забот.

И если Прошке выпадала удача напроситься на охоту, то во время такой вылазки он с интересом наблюдал за взрослыми и старался помочь в сооружении небольшого куреня*, разведении костра, устройстве подстилки из веток для ночлега. Ему это нравилось, он постигал и учился этому с удовольствием.

Но самое интересное начиналось, когда все подготовительные хлопоты оставались позади, а на костре аппетитно шипели шкварки сала или жаривался добытый по пути рябчик. И к этому времени в углях уже доходила печёная картошка.

Наступала пора смачной вечери у огня и неспешных разговоров взрослых о всяких охотничьих былях и небылицах. Вот тут-то Прохорка забывал обо всём на свете и с замиранием слушал интереснейшие истории.

Большей частью говорил дед. И особую колоритность его рассказам придавали всевозможные звуки и шорохи ночного леса. Сам же лес обступал костёр тёмной стеной с причудливыми фигурами и тенями. Молодая сосёнка на краю опушки в отблесках пламени выглядела затаившимся лешим с раскинутыми руками-ветками; густой лозовый куст казался диковинным и зловещим зверем, приготовившимся к прыжку на сидящих у костра людей; белеющая в вышине, в просвете темных веток, небольшая часть берёзового ствола до ужаса напоминала лицо мертвеца. И чем темнее был вечер и ярче костёр, тем более таинственным и угрожающе-сказочным становилось всё вокруг.

Но не одними тенями завораживал ночной лес.

Где-то на другой стороне опушки тоненьким звуком жалейки* раздавалась осторожная переключка затаившихся на ночь птичек. Стрёкот или жужжание первых пробудившихся насекомых, в отличие от зловещих теней, навевали людям у костра мирное успокоение. Но вот, словно эхо, далёкое, а потом вдруг совсем близкое, почти над головой, резкое уханье филина заставляло всех вздрогнуть; от внезапного резкого крика или предсмертного писка какой-либо зверюшки, попавшей в когти хищника, в жилах стыла кровь, и сердце заходило в сильном трепете.

Изрядно перепугавшись от таких жутких звуков, взрослые крестились и всегда говорили что-нибудь пугающее.

– Свят, свят, свят... Леший кого-то потянул в болото... – серьёзно произносил Гришак.

– Точно, – соглашался дед, – потянул. А может, и кикимора над кем-то измывается. Места-то тут глухие...

Прошка от таких объяснений заметно ёжился, а по телу в разных направлениях пробегало дюжины две мурашек. Дед же, незаметно глянув на внука, спешил бодро добавить:

– Но мы втроём, и у нас огонь, ружья и молитва. Нам и сам чёрт нипочём, – уверял он, но это запоздалое сообщение уже как-то мало успокаивало хлопчика.

Дед и батька вели разговор о нечисти вроде как между собой, напуская на лица чересчур уж серьёзный вид, но Прохорка хоть и был ещё пацанёнком, а сразу смекал, для чьих ушей предназначались эти высказывания. В такие минуты он хоть и старался выглядеть спокойно, но как-то уж самопроизвольно получалось, что парнишка сильнее жался к батьке и обязательно так, чтобы дед со своими повествованиями был напротив.

Такие почти сказочные вечера оставляли неизгладимые впечатления в душе мальчика. Хотя зачастую бывало и страшно, и под утро зябкая прохлада не давала спать, а безжалостные комары до волдырей кусали открытые участки тела, но для Прохорки отправиться опять в такой поход было сродни празднику. Ведь слушать деда – это истинное удовольствие.

Да, дед Чигирь на всю округу славился как удивительный рассказчик, и коньком его повествований была щекочущая нервы и душу слушателей тема колдовства и нечистой силы.

В престольные праздники, когда работать считалось большим грехом, люди, одевшись понаряднее, ходили в церковь, праздно прогуливались по селу, заходили к кумовьям и родственникам отметить такой день чаркой горелки да кислым ржаным блином со шкваркой. Кто таких угощений не нажил – лузгали семечки на лавках или дымили самосадом, приветливо здороваясь и тут же с ехидцей обговаривая проходивших мимо более зажиточных односельчан.

Когда же время подходило к вечеру, многие стягивались на окраину деревни, к хате деда Чигиря, ибо знали, что он обязательно уважит их просьбам и расскажет что-нибудь душещипательное.

Дед Чигирь, зная, что на колодах уже собралось изрядное количество сельчан, с нетерпением ожидающих его речей, не спешил с выходом. Удивительный знаток человеческой души,

он любил сначала потомить всех неопределённостью, чтобы потом более театрально, как бы с неохотой, произвести свой выход.

Но и мужики не лыком шиты! Они уже давно раскусили дедову тактику и особо не волновались: старый Чигирь сам не упустит случая заворожить односельчан своими рассказами.

Прохор сейчас с улыбкой вспоминал, как в ожидании дедовых повествований многие пытались тоже завладеть всеобщим вниманием, рассказывая разные истории и ведя, по их мнению, умные беседы. Но вскоре эти «умные речи» быстро иссякали и неуклюже комкались от скудости языкового слога.

Подавляющему большинству крестьян было в тягость вести длинные речи, да и суровая жизнь от них этого не требовала. Так что все разговоры сводились к обыденным темам: погода, урожай, панское да селянское житие-бытие. Некоторые же просто пытались пересказывать уже известные истории старого Чигиря. Но любая интересная история деда Чигиря в исполнении другого рассказчика получалась пресной, без завораживающей изюминки. А вот если ещё и деревенские бабы начинали вмешиваться в «серьёзные» разговоры, то тема неизбежно меняла русло в сторону пересудов, сплетен, а то и вовсе начиналась перебранка прямо тут же у костра.

Но вот уже сумерки заметно начинали перевоплощаться в тёмный вечер. В пылающий костёр чаще подбрасывались заранее заготовленные ветки и сучья.

Дождавшись своего часу, наконец появлялся и дед Чигирь. Выходя из хаты, он зачастую дожёвывал на ходу специально брошенную в рот корку хлеба или кусочек овсяной ковриги.

– Вечер добры всем! – кивал головой старик.

– Добры!

– Добры! – раздавалось со всех сторон.

– Што это вы тут галдите на всю округу? Даже вечеру не доел. Дай, думаю, пойду гляну: што тут народ так шумит? – говорил дед, ещё больше шамкая губами, чтобы было видно, что его оторвали от вечери, которую на самом деле он давным-давно уже съел.

– Да это Ульянка с Авдотьей спор учинили! Всё не выяснят, чей мужик лучше! – молодой селянин ухарского вида с громким смехом поддевал непримиримых соперниц во всём, о чём только можно было поспорить.

– Ы-ы, зубоскал! – тут же взъелась на смельчака одна из молодежи. – Тебе до моего Антипки – ой, как ещё далеко!

– А до моего Петра и того дальше! – не смогла промолчать и другая молодница.

– Ой-ё-ёй! А чего это до твоего Петра «и того дальше»?! – напрочь не соглашалась с такой оценкой первая.

– Потому как мой Петро лучше!

И понеслось! И опять заново начинался бесконечный спор. Это забавно тешило всех, кроме самих присутствовавших здесь виновников словесной перепалки – Петра и Антипки. Такое всеобщее внимание вводило их в крайне неловкое положение. И надо ж вот было такому случиться, чтобы самым тихим и безропотным мужикам попались такие взбалмошные и шумные жонки*. Ну, тут уж судьбе в иронии не откажешь.

– Ладно, бабоньки, угомонитесь! – вроде как намереваясь примирить сцепившихся молодых, молвил всё тот же мужик бравого вида, но потом вдруг, решая всё же восстановить истину, со скрытым подвохом добавлял: – В таком гвалте вы никогда не добьётесь толку. Ну, вот как рассудить, который из семьянинов лучший? Каждая из вас знает всё только о своём мужике, а о достоинствах другого лишь догадывается. А тут надобно, чтоб кто-то их обоих знал как облупленных...

– А к чему это ты гнёшь? – подозрительно прищутив взгляд, подалась на говорившего мужика одна из соперниц.

– А к тому, что вот вы, мабудь*, и не догадываетесь, а на селе всем уже давным-давно известно, что Фроська обоих ваших тихонь изучила вдоль и в поперёк. И ведь ваши ненагляд-

ные Антип с Петром сами до Фроськи украдкой бегают на всякие там сравнения. Вот идите к ней, и она тут же рассудит, чей мужик лучше! Фроська-то толк в таких сравнениях знает!

Фроська – молодница трудолюбивая и как хозяйка во всём умелая, но уж очень славилась на всю округу своей ненасытной распутностью. Хотя и мужик у неё был нормальный, и поколачивал частенько, но, как говорится, горбатого могила исправит. Так и Фроська, несмотря на все воспитательные меры, подгуливала с кем попало, где и когда попало.

У костра все посмеивались, отводя в сторону глаза и пряча довольное обличье, чтобы, не дай бог, самим не нарваться на острый язык взбеленившихся баб. А напуганные таким несусветным оговором несчастные мужики втягивали головы в плечи и в оправдание лишь пробовали что-то сказать, растерянно хлопая выпученными глазами. Но вместо оправданий получались невнятные мычания, и их затравленные взгляды в ожидании приговора были устремлены на своих грозных жонак.

Но со временем и до рьяных супружниц доходило, что их разыгрывают, а тут уж в долгу они ну никак не могли остаться! Да ещё если под угрозой посмешища стояла честь их мужиков!

– Так мы уж давно справлялись у Фроськи, – задиристо отвечала одна из баб. – Наши мужики-то в первых рядах доблестью славятся и всё одно наравне идут, а вот про тебя, – баба демонстративно тыкнула пальцем в сторону охальника, – так Фроська и говорить не хотела. Сказала, что только языком молоть горазд, а в остальном – евнух! – Безнадёжно махнув рукой на наглеца, баба вдобавок ещё и гордо отвернулась, будто там и глядеть было не на что.

Тут уж дружный хохот заставлял и бравого мужика сконфузиться. Да-а, видать, зря он тогда затеял подшутить над первыми склочницами на селе.

Но вот вскоре после полной капитуляции опрометчиво поступившего мужика, его облик быстро потерял разудалый вид, а шум понемногу стих. Несколько неуклюжих попыток оправдания за поднятый шум – и бабы тоже мирно замолкали. Мужики, перекинувшись с дедом Чигирём двумя-тремя незначительными фразами, выжидающе посматривали на его кудлатую бороду.

– Дед, а что случилось с тем парубком? – не выдержав, давал наводящий вопрос один из селян.

– С каким парубком? – непонимающе переспрашивал старый Чигирь.

– Ну, с тем, которого черти извести хотели. Запрошлый раз поздно уже было, и ты, дед, обещал, что в следующий раз доскажешь, чем там дело закончилось.

– Хм... А чем закончилось?.. – хмурился дед, вспоминая прошлую историю. – Не на того черти напали! Смелый и хитрый оказался хлопец, да ещё и заговоры от ихней братии знал. Так что пришлось тем чертям, не солоно хлебавши, катиться назад к себе в болото. Во, как оно было...

Хотя такой быстрый и простой конец истории и разочаровывал всех, но начало было положено. Дед Чигирь ненадолго замолкал. У костра тоже воцарялась тишина. Все догадывались, что в голове старого Чигиря рождается новая жуткая история. Догадывались – и не ошибались.

И вот в мёртвой тишине таинственно начинал вещать голос старика, завораживая слушателей. Затаив дыхание и стараясь не пропустить ни единого слова, все неотрывно взирали на рассказчика. Напряжение нарастало. Казалось, что во тьме вокруг огня витали упыри или ведьмы, зловещие мертвецы или неведомые чудища из повествований старого Чигиря. В такие мгновения отчётливо слышались лишь писк комаров, охотящихся за человеческой кровью подобно персонажам звучащей истории, да слабое потрескивание костра, по праву своей значимости осмелившееся вплестаться в новую страшную историю.

У всех захватывало дух. Дети, ещё не достигшие отроческого возраста, жались к матерям, у которых у самих от страха округлялись глаза; мужики сидели с застрявшими в бороде или повисшими на губе потухшими самокрутками; молодёжь испуганно переглядывалась, ища

заранее с кем бы после возвращаться домой. Все теснее жались друг к дружке, и никто не хотел сидеть с краю.

Маленькому Прохору тоже тогда становилось жутко и страшно, но его ещё и распирало чувство гордости за своего деда.

Иногда история старого Чигиря заканчивалась далеко за полночь, но никто из неподвижно сидевших всё это время слушателей, включая и самых младших, ни разу не зевнул, ни разу не клюнул носом. А после все расходились тесными кучками – напуганные, но довольные.

Прохор, как сейчас, помнит момент, когда после одного из таких вечеров спросил у деда:

– Деда, а откуда ты столько страшилок знаешь? Их тебе кто-то рассказывал?

– Не, внучек, никто не рассказывал. Половину всего выдумал твой дед, – отвечал старик и, видя разочарование внука, с улыбкой трепал его вихрастую макушку.

– Ну а как же с другой половиной? Кто-то ж тебя научил? – никак не унимался хлопчик.

С морщинистого лица старика тогда вдруг сошла улыбка. Взяв Прошку за плечи и глядя ему в глаза, дед твёрдо, чтобы это запомнилось надолго, произнёс:

– А другой половине, внучек, научила меня жизнь. И не дай бог познать тебе такой науки на своём пути.

Старик задумчиво вздохнул. Не отрывая серьёзного взгляда от любимого внука и, словно что-то предчувствуя, старый Чигирь добавил:

– Хотя... жизнь, Прошка, – шибко* сложная дорога, и кто его знает, что нас ждёт впереди. Но ко всему надобно быть готовым. Всяко ведь может стать...

После этого разговора дед начал часто объяснять, показывать и рассказывать Прохорке много разных и странных слов, действий, вещей. Дело в том, что старый Чигирь славился не только своим умением интересно рассказывать. Во всей округе его знали как умелого знахаря. Люди обращались к нему со всевозможными просьбами, жалобами, хворями и прочими напастьями.

Знахарство было обычным и неотъемлемым явлением в жизни сельской глубинки, и без этого не могло обойтись ни одно хозяйство. Зачастую в деревне или на селе проживали несколько знахарей, и, естественно, люди охотнее обращались к тем, у кого чаще получался положительный результат. Этому во многом способствовала и молва, как всегда, преувеличенная и приукрашенная.

Старый Чигирь в помощи никому не отказывал. Если мог – помогал. Если не мог, то успокаивал и говорил, что Бог обязательно поможет.

Как-то после ухода одной посетительницы дед грустно произнёс, глядя ей вслед:

– Жаль... Молода ведь ещё.

– Деда, так ты ж сказал, что всё буде добра! – заметил находившийся рядом Прохорка.

– Сказал, сказал... – задумчиво произнёс дед и тут же грустно добавил: – Отойдёт она скоро... Не поможет ей уже ничто. Но всё равно... без надежды человеку нельзя. Худо, брат, без надежды-то жить... особенно, когда эта жизнь сама же тебя за горло и давит...

Прошка хотя и был тогда совсем ещё мальчишкой, но уже точно знал, что дед его связан с какими-то неведомыми силами. А таких людей называли колдунами. И слово это очень нравилось мальчику.

– Деда, а почему тебя называют знахарем, а не колдуном? – как-то раз спросил он деда.

Дед удивлённо взглянул на внука и, чуть поразмыслив, ответил:

– Запомни, внучек, что знахари, в отличие от колдунов, в основном помогают людям. Ну а колдуны большей частью норовят зло сотворить. Хотя, конечно, и они могут помочь человеку... но, видать, душа у них не лежит к этому. Теперь тебе понятно, почему твоего деда кличут знахарем?

– Угу.

– Ну, вот и ладно.

После того разговора для Прохорки уже слово «знахарь» звучало более красиво и значимо.

И так уж получилось, что именно Прохору дед многое передал из своего умения и знания. Проницательный взор деда именно Прохора выделил из множества внуков за его тягу к познаниям, за его крепнущую силу воли и духа. И главное за то, что старый Чигирь видел в Прошке искру божью, которой обладал и сам.

Однажды в осеннюю пору дед внезапно занемог. Несколько дней он тихо лежал на полатях в глубоком полузабытии. Все домочадцы уже догадывались, что дед не жилец. И, как будто делая обыденную работу, взрослые с грустью, но деловито готовили холстины, тесовые плахи для гроба и другие необходимые вещи для похорон.

Прохорка подолгу сидел возле любимого деда. Ему было очень жалко его, было непривычно и дико видеть всегда бодрого деда угасающим и безмолвным. Мальчишка по-настоящему боялся остаться без такого заботливого радетеля.

Однажды дед Чигирь пришёл в себя; сознание старика прояснилось, и он слабеющей рукой протянул Прошке свой необыкновенный нательный крестик.

– Возьми... Не расставайся... с ним. Он будет оберега... – на последнем дыхании произнёс старик.

Совсем ослабшая рука упала, и еле слышный голос деда замолк навсегда. У Прошки на ладони остался странный крестик деда Чигиря, которым старик очень дорожил и о котором никогда ничего не рассказывал.

Как-то раз после похорон деда Гришак заметил у Прошки крестик и приоткрыл его тайну.

– Твой покойный дед, Прошка, лишь однажды разоткровенничался об этом крестике. Это было давно, тебя тогда и в помине не было. Да где там в помине! Я сам тогда ещё только зад прикрыл портками. Ну, взрослеть, значит, начал. Вот тогда-то в ночном он и поведал мне историю об этом крестике...

Давно это было... Хранцуз тогда на Москву пёр, поспешал безмерно. К нам-то сюда в глухомань да болота он, можно сказать, и не заявлялся. Не до нас ему было. Ну, а кали хранцзов тех назад погнали, вот тут-то и полешукам пришлось поволноваться да вилы с топорами в руках подержать. Оголодали шибко хранцзузы, забирались в самые дальние и глухие хутора, выискивая, чем бы похарчеваться. А кто ж просто так хлеб свой отдаст? Да ещё и чужеземному супостату! Вот и случались иногда стычки с отрядами хранцзузов.

Хотя, по правде сказать, и на тот раз наши места большей частью бог миловал. Как-то стороной такая напасть прошла, але* ж деду твоему всё же пришлось раз свидеться с чужеземцами...

Зимой дело было. Дед твой в ту пору нечасто в лесу бывал, потому как холода стояли лютые. Но однажды его вдруг словно на верёвке потянуло в лес. Ну... глянуть всё ж надобно как там, да что там в его обходах творится. Вот он и наткнулся в тот день на израненного и обессиленного человека... вернее, на троих. Только двое скончались уже: холод и голод взяли свою дань. Ну а третий живой ещё был. Шибко отощавшим и измождённым оказался незнакомец, уж и говорить не мог. И чего их нелёгкая занесла аж в наши края – одному богу ведомо! Наверное, от погони уходили... тут уж надо переть, не разбирая пути. Вот и сбились в горячке с него...

По одежке-то дед и признал в них хранцзузов. Сначала добить хотел живого, но потом словно какая-то сила отвела его руку. А дальше и вовсе дед странно себя повёл. Схоронил раненого в лесном курене, утеплил пристанище то хилое да огонь жаркий развёл. Одежками тёплыми укутывал несчастного, травами отпаивал, еду приносил...

Дед одному лишь мне потом всё рассказал. Сильно диву давался, что это на него тогда нашло... Лишь потом, спустя некоторое время, он догадался, в чём причина. Ну а тогда не до размышлений деду было. В общем, хоть и был тот человек ворогом, да сжалился дед твой над

неможным, а потом вроде бы даже как и привязался к тому хранцузу. Перепало ему добре... Другой в таких передрыгах вряд ли выжил бы, а тот выкарабкался.

Толмачём оказался хранцузик, по-нашему непогано швердекал. Окриял* он, да и в свои края засобирался, а деду за помощь оставил этот вот крестик. «На, – говорит он ему, – за доброту твою награду прими. Это самое дорогое, что есть у меня. Непростой это крестик. Более двух веков ему будет, и силу чудодейственную он имеет. Кто праведно им владеет, оберегать будет того, а кто украдёт иль силой отымет этот крестик – на несчастья себя обречёт! Мне-то давно уж, наверное, суждено было умереть, да, видать, этот крестик отводил все время такую беду... Мне не жалко крестика. Доброму человеку дарю... Ну а я... Устал я. Как даст Бог, так пусть и будет», – с этими вот словами и отдал тогда хранцуз крестик.

Дед понимал, конечно, что для хранцуза эта штукавина очень дорога и не хотел принимать такой дар. Да уж шибко настойчив был чужеземец... Говорил, что обиду дед причинит ему отказом...

Хотя и был хранцузик тот супостатом, а вот душа и сердце у него были добрые, даже быть может, благородных кровей. Эх, нашим бы людям задушевности такой... Вот такие, брат, дела... – с грустью закончил говорить Гришак, держа в руках подарок спасённого дедом Чигирём француза. Затем, протянув крестик Прошке, он уже более бодро добавил:

– Так вот и появился этот крестик у деда твоего...

Держа на ладони диковинный крестик, Прошка задумчиво смотрел на него, а затем вдруг спросил:

– А что с хранцузом тем случилось?

Гришак на мгновение задумался и как-то неуверенно ответил:

– Окреп и ушёл... К себе додому ушёл.

Не сказал тогда батька маленькому сыну, что француз тот и до соседнего повета* не успел дойти, как его поймали. Хоть и был он в одежках дедовских, да всё одно распознали в нём француза. Поймали да без всякого разбирательства до смерти и забили... Озлобленные мужики забили. Всё припомнили чужаку, все свои беды и несчастья выместили на нём, как будто он один был причиной всему этому. Никто не вступился тогда за несчастного. Не было уже с ним и его крестика в тот роковой час...

Такой вот странный крестик оказался в руках Прохорки, и вступал мальчишка тогда в отроческий возраст.

Глава 3

В окнах господского дома мерцал свет зажжённых свечей. Пан Войховский и его гости ожидали возвращения Прохора не позже обедни и уже начали сильно беспокоиться, не стряслось ли чего в лесу.

Но вот на псарне радостно залаяли собаки, узнавшие Прохора и учуявшие волнующие запахи леса и пороха. В доме тоже заметно оживились.

– Ну, наконец-то! Мои гончие Чигирей ни с кем не спутают, – с облегчением вздохнул Егор Спиридонович.

– Вероятно, заблудился ваш хваленый следопыт. Хорошо, что хоть к ночи обернулся, – проворчал пан Хилькевич.

– Да полно вам, Семён Игнатьевич. Лучше Прохора и его отца здешних лесов никто и знать не знает, – махнув рукой, возразил пан Войховский.

В нетерпении потоптавшись и не удержавшись, он пошёл сам встречать Прохора. Увидев его в целости и сохранности, но изрядно уставшего, Войховский с некоторой тревогой спросил:

– Что долго так? Уж не сбился ли с пути, иль стряслось чего?

– Есть что рассказать, Егор Спиридонович. Сейчас только дух маленько переведу да с мыслями соберусь, чтоб лучше всё истолковать.

– Ладно, глотни чаю и, не мешкая, в залу проходи. Заждались уже.

Спустя четверть часа охотники с нескрываемым интересом слушали рассказ Прохора, лишь изредка перебивая его уточняющими вопросами. Втайне уже каждый мечтал занять в качестве трофея медвежью шкуру. Такого шанса в их охотничьем счастье может больше и не повториться.

Все сразу принялись бурно обсуждать план завтрашней охоты на косолапого; решали, как удачнее и безопаснее обложить медведя, а тем более шатуна. Опыта в такой охоте ни у кого не было, но каждый что-то когда-то об этом слышал, и сейчас все вместе соображали, как лучше действовать. Охотники, конечно же, прекрасно понимали и то, что всё предусмотреть невозможно и задуманное дело сулит немало опасностей и риска.

За час до рассвета от имения пана Войховского отъезжало трое саней-розвальней, с панами-охотниками и мужиками-загонщиками. Охотничьи собаки все пока были на поводках.

Прибыв на место, охотники разделились на две группы. Прохору и молодому паньчю Андрею Семёновичу поручили выступить в обход. Егор Спиридонович, по-свойски поправляя у Прохора ремень ружья, в напутствие сказал:

– Ты там посматривай, чтоб чего худого не вышло. От Андрея Семёновича – ни на шаг.

– Угу, – кивнул в ответ Прохор. – Всё буде добра.

Прихватив с собой несколько мужиков с рогатинами и собаками, они на санях отправились в путь.

Пан Войховский, пан Хилькевич и Гришак начали тихо расходиться и занимать места, через которые вероятнее всего могли пойти звери. Вот только какие звери, до сих пор никто не мог знать. Вероятно, это будут волки. Меньше всего можно было ждать встречи с кабанами, ну и, конечно же, всем охотникам очень уж хотелось, чтоб на мушку их ружья попал медведь.

Прохор и Андрей, добравшись до другой стороны урочища и растянувшись с мужиками в цепочку, начали движение вглубь. Шли недолго; вскоре один из мужиков подал знак, что обнаружил звериные следы. Осмотрев их, Прохор сделал вывод:

– Кабаны неслись во всю прыть и почти в рассыпную. Волчьих следов преследования нема. Ну-ка, Лазбень, что это означает? – спросил он одного из мужиков.

Рослый, массивного телосложения селянин по кличке Лазбень долго голову не ломал и выдал первое, что взбрело на ум:

– Мабудь, спешили куда-то. Вот если б и волчьи следы были, то, знамо дело, от волков и убегали.

– Правильно, Лазбень, – с ироничной улыбкой согласился Прохор. – А я вот думаю, что стадо несло в рассыпную, унося ноги всё же от волков. А серые не гнались за кабанами, потому что им не было уже в этом нужды: прихватили всё же разбойники себе добычу. Что ж, в таком разе некогда рассуждать. Двигаемся дальше, а там видно будет.

Пройдя ещё с четверть версты, охотники, наконец, обнаружили и волчьи следы. Ещё через некоторое расстояние следов стало такое множество, что по ним уже трудно было определить картину произошедших здесь событий. Во многих местах снег был окроплен алыми пятнами крови.

Спущенные с поводков собаки возбуждённо рыскали по лесу. Часто останавливаясь и внюхиваясь в следы, они глухо рычали и вздыбливали шерсть на загривках – явно чуяли близкое присутствие зверя.

В воздухе стоял целый букет смешавшихся запахов: мускус диких кабанов сливался с солоноватым запахом псины извечных врагов собак – волков. Из этого слияния рождался и расплывался по лесу трагический, сладковато-приторный запах крови, приводивший охотничьих собак в неистовство. Опыт и инстинкт подсказывали им, что развязка вот-вот наступит.

Чувство близкой встречи со зверем распаляло охотничий азарт у своры. И они уже давно могли бы найти этого зверя, будь то кабан или волк – без разницы. Вот только среди прочих запахов, витавших в воздухе, чуткие ноздри улавливали до сих пор незнакомый едкий запах хищника, с которым псам ещё не приходилось сталкиваться. И чутьё подсказывало: зверь опасен.

Прохор и молодой Хилькевич осторожно продвигались по лесной чаще. Они держались недалеко друг от друга как, впрочем, и все остальные.

И вот впереди раздался шум схватки охотничьей своры с каким-то зверем. Слышался злобный лай, рычание и визг, но из-за деревьев и густых зарослей почти ничего толком невозможно было разглядеть.

Люди бросились на шум.

– Неужто в медведя вцепились? – на ходу Андрей вопросительно глянул на Прохора.

– Сейчас узнаем.

Буквально продравшись сквозь цепляющиеся ветки, Прохор и Андрей почти одновременно выскочили к месту, где кружился клубок из сцепившихся животных. Вскинутые ружья уже готовы были выплеснуть смертоносный свинец в медведя, но на мушках плясали лишь остервенелые оскалы собак, всей сворой насевших на поверженного в неравной схватке волка.

Подбежавшие мужики начали оттаскивать собак. Войдя в раж, те никак не хотели уступать свою добычу, всё ещё пытавшуюся из последних сил сопротивляться. Вцепившись мёртвой хваткой в одну из собак, изорванный волк словно пытался вцепиться за последний шанс на жизнь.

Вскоре собак оттащили, и на окровавленном снегу остался лежать волк – гроза и хозяин окрестных лесов.

Люди широким кольцом обступили зверя.

– А волк-то не сеголеток. По всему видать: матёрый. Что ж он так легко дался собакам? – с ноткой сожаления спросил Андрей, глядя на израненного волка.

– Да-а, – тихо протянул Прохор, – такие в вожаках ходят, да, кажись, отгулял казак жизнь свою вольную.

Осмотревшись вокруг и подойдя вплотную к зверю, Прохор уже с уверенностью сказал:

– Не мог он в полную силу за себя постоять. Гляньте, как ноги задние вывернуты, да и следы вон на снегу говорят, что перед этим попало сильно ему по хребтине. И пока не понятно, кто его так приголубил – кабан или медведь. Во всяком случае, заполз бедолага в заросли, надеялся раны зализать да побегать ещё по лесным просторам. Только вот сломанный хребет не залижешь... Собаки прямо-таки выволокли его из убежища. Да-аа... не повезло тебе, волче.

Люди плотнее обступили истерзанного зверя, и всем собравшимся почему-то вдруг стало жалко умирающего волка. В его угасающих глазах не было больше ни враждебной ярости, ни страха перед окружившими его врагами. На гордой морде истекающего кровью волка отражалось лишь безграничное презрение к лающим победителям.

В народе иногда можно услышать историю о том, как плачут животные, но почти никто никогда этого не видел своими глазами, поэтому все считали такие истории выдумками чудиков. И каково же было потрясение людей, когда все явственно увидели, как из жёлтых глаз волка на снег упала одна единственная капля. Может это был растаявший снег, а может и слеза – никто с полной уверенностью сказать не мог. Но всем почему-то подумалось, что если это была и слеза, то волк плакал вовсе не от боли и уж тем более не от страха...

Безмерная печаль в жёлтых глазах зверя начала медленно, но неотвратимо покрываться пеленою безразличия, которая холодной ладонью закрывала и саму жизнь. Ах, как же не хотелось умирать в самом расцвете сил! До последнего момента в печальных глазах ещё теплилась надежда! Но неумолимая пелена быстро заслонила и эту последнюю искорку, навсегда оставив лишь выражение скорби. Безграничной скорби... Не бегать ему больше по заснеженным

полям, не трепетать от охотничьего азарта, не испытать счастья заботы о щенках-малышах. Что ж, оборвалась жизнь волчьего вожака. Не в пору оборвалась! Не успел вволю нагуляться! Слишком смелым и отчаянным был атаман...

Прохор грустно вздохнул.

– Нехай пока тут лежит. Никуда он уже не денется, а нам дальше идти надо. Да посмотреть в оба теперь, – предупредил он всех, но ещё раз глянув на умирающего волка, тихо добавил: – С лихвой настрадался, надо избавить его от мучений.

Осмотревшись, Прохор обратился к одному из мужиков:

– Лазбень... ты знаешь, что делать.

– Ага, – с готовностью согласился мужик, вытаскивая из-за кушака топор и приближаясь к волку.

Есть в мужицком говоре такое слово «хрясь», означающее сочный размашистый удар. Именно хрясь и раздалось в затихшем лесу. Жуткий звук вообрал в себя и глухой удар обуха по голове, и треск костей, и громкое непроизвольное клацанье зубов от обрушившегося удара. Старательный резкий выдох человека «Ы-ых!» поставил смертную точку на жизни волка. Такая вот незавидная кончина выпала на долю лесного смельчака.

Несколько мгновений люди ещё стояли в задумчивом молчании. Глядя на бездыханного волка, они почему-то на этот раз вовсе не разделяя неистового торжества своих друзей – собак.

Ещё раз проверив, есть ли порох на полках в кремниевых ружьях, охотники начали осторожно продвигаться дальше по лесу. Мужики опять спустили собак с поводков. Теперь собаки вели себя ещё более настороженно.

Вскоре охотники увидели место, где волки зарезали дикого кабана.

– Долго серые возились с ним. А кабан-то толк в обороне знал. Глядите, Андрей Семёнович, как вытоптан снег у этого дерева... – молодой охотник указал рукой на комель вековой сосны. – Когда волки начали насаждать со всех сторон и стало ясно, что убежать от них не удастся, кабан искал защиты у дерева. Прижавшись задом к толстому стволу, он в какой-то мере обезопасил себя с тыла. И это была его последняя и отчаянная попытка спастись... – Прохор по ходу тихо растолковывал паньичу то, что видел на снегу.

– А вон там стая всё же завалила свою добычу, – сказал в свою очередь Андрей, указывая чуть дальше на большое кровавое пятно и клочья шерсти вокруг.

– Точно. Если уж стая почуяла скорую расправу – ни одно дерево уже не спасёт.

Приблизившись к этому месту, охотники, наконец-то, увидели здесь и следы медведя. Догадаться, что тут произошло дальше, было нетрудно.

Видимо, когда стая уже начала рвать издыхающего кабана, в их трапезу вмешался медведь. Завязалась схватка. Каждая из сторон знала, чем и ради чего рискует. И победа досталась тому, у кого другого выхода просто не было – или пан, или пропал.

Андрей сам всё это понял и возбуждённо произнёс:

– Заявился косолапый без приглашения на пир, да ещё и кровавый хоровод устроил.

– Ага, почитай, так и было. Дал по хребту самому смелому, а остальные, покружив вокруг да попробовав на зуб крепость медвежьей шкуры, решили, что своя шкура всё ж дороже.

– И тушу утащил в более укромное место. Волкам такое не под силу.

– А им это без надобности. Где завалили, там и проглотили. Благо вокруг всё их владения. Хозяевами, значит, себя чувствовали. Ан, нет! Не вышло! Ещё один владыка объявился. Да только и на этого владыку управа найдётся. Я верно говорю, Лазбень? – спросил Прохор у подошедшего мужика.

– Дык... Мабудь, так. А як же ж иначе? – не поняв суть вопроса, смущённо ответил Лазбень, а потом, заметив кровавое пятно, с неподдельным удивлением спросил: – О, а де ж кабан девся?

– За волками погнался, – усмехнулся Прохор.

Тоже не скрывая улыбки, Андрей с интересом глянул на чудаковатого мужика.

Пока охотники разглядывали следы да тихо переговаривались, собаки с некоторой опаской, подстёгиваемые охотничьим инстинктом, делали свою работу.

Намного в стороне от того места, куда были обращены настороженные взоры людей, лесную тишину опять разорвал их яростный лай, временами переходящий в надрывный хрип, и на этот раз прерываемый грозным звериным рыком. Теперь никаких сомнений не было: собаки нагнали спешно уходящего медведя.

И снова продираясь сквозь заросли и петляя среди толстых стволов вековых деревьев, люди бросились на шум.

Охотничьи собаки, обнаружив грозного и незнакомого зверя, сначала держались на почтительном расстоянии, оглашая округу своим лаем и оценивая на что способен этот зверь. Но, видя перед собой неповоротливого увальня и подбадриваемые своей превосходящей численностью, они быстро осмелели. Наиболее ярые уже решались по волчьей тактике, напад сзади, тоже проверить на зуб крепость медвежьей шкуры.

Медведь же, вдоволь насытившись, не имел никакого желания опять вступать в стычку. Тем более на этот раз – с оголтелыми и шумными тварями. Звериное чутьё подсказывало, что за этой бешеной сворой обязательно появится самый опасный враг – человек!

Пока что шатун отпугивал собак грозным рыком и вялыми выпадами в сторону слишком самоуверенных псов. Он был готов без всякого сожаления уступить остатки своей трапезы этой пёстрой стае и с миром удалиться подальше от поднятого невообразимого гвалта. Но, видимо, этих бестий не интересовали останки кабаньей туши – все, как один, кружили вокруг медведя. Это противоречило канонам лесной жизни, и чутьё зверя уже не подсказывало, а просто било тревогу, что нужно немедленно уходить. Да и нюх уже ясно улавливал запах особо опасного противника.

Человек хитёр и коварен, не чета этой обезумевшей своре. И это уже сулило настоящую опасность. Теперь уж точно не до жиру, быть бы живу!

Подстёгиваемый смертельной угрозой, зверь приступил к решительным действиям. Проворным броском он достал одну из зазевавшихся собак. Стремительный взмах могучей когтистой лапой – и далеко в сторону с диким визгом летит поверженный враг.

Не ожидавшие такой прыти от, казалось бы, неуклюжего лохматого зверя, собаки на мгновение умолкли. Отскочив на безопасное расстояние, все они словно замороженные не могли оторвать глаз от жуткого зрелища: их собрат, дико крутясь, норовил достать зубами свой развороченный бок. В шоковой горячке он пытался вырвать оттуда впившуюся нестерпимую боль. Содранная шкура и вывернутые наружу ребра являли собой ужасающую картину. Окропляя снег кровью, несчастный с хриплым рёвом исполнял танец смерти, обезумев от боли и вида вываливающихся своих кишок. И вся свора была на какое-то время загипнотизирована этой предсмертной пляской.

Воспользовавшись замешательством в стане врагов, шатун с невероятной для его размеров быстротой ринулся в густые заросли.

Проход и Андрей уже видели одну из собак, мелькнувшую в просвете деревьев и веток. Дикий визг и хрип другой собаки, судя по всему, серьёзно раненой, был почти рядом. Осталось обогнуть островок густых зарослей – и медведь будет на мушке.

Огибая длинный ствол валежника, Проход и Андрей не заметили, как продолжали бежать уже по разные стороны злополучных зарослей. Проход огибал с одной стороны, а Андрей – с другой. Так уж получилось...

Проход выскочил на просвет среди деревьев. Собаки, увидев человека и, наконец, словно спохватившись, понеслись за мелькнувшим среди деревьев медведем.

Проход кинулся следом и вдруг замер! Мгновение ужаса и он резко оглянулся – Андрея Семёновича нигде не видно! Прохода как обухомхватило по голове: паныч Андрей наверняка

сейчас столкнётся со зверем, и что из этого выйдет – одному Богу ведомо! Но сам Прохор одно знал точно: если с Андреем Семёновичем произойдёт беда, виноват будет он, и уж это ему с рук просто так не сойдёт. Не мешкая, крепостной охотник бросился напрямик через гущу на помощь панычу Андрею...

Андрей совершенно опешил, когда, почти обогнув препятствие, вдруг нос к носу столкнулся с огромным медведем, выскочившим ему навстречу. Пути человека и зверя пересеклись. Эта встреча для обоих была настолько неожиданна и трагична, что они замерли в растерянности, не сводя друг с друга непримиримых взглядов и не решаясь сделать малейшего движения. Зрачки обоих расширились до предела, и в них отражались угроза и страх, обескураженность и ужас. Но самое главное и трагическое, что вдруг стало понятно разуму человека и инстинкту зверя, это то, что если одному из них предписано судьбой идти дальше по жизни, то другому именно сейчас и здесь придётся закончить этот свой жизненный путь. И эта обречённость ещё больше сковывала обоих холодным ужасом.

Звериный инстинкт самосохранения сработал намного быстрее, чем умозаключения человеческого рассудка, подавленного смертельным ужасом. Звериное чутье в одно мгновение оценило угрозу и дало команду: «Убей или будешь убит!»

Продравшись сквозь самую гущу зарослей, Прохор тоже оцепенел в ужасе. Его взору предстало жуткое зрелище: человек и зверь стояли почти рядом, один против другого и, казалось, не обращали абсолютно никакого внимания на крики спешащих к ним мужиков и на стремительно приближающийся лай собак. Но почему паныч не стреляет?!

Прохор вскинул ружьё. Сердце бешено колотилось. Для точного выстрела слишком большое расстояние и... слишком большое волнение!..

Андрей всё же среагировал на вздрогнувшую мощь медведя и почти одновременно с броском зверя вскинул ружьё. По воле счастливой случайности, единственное, что он увидел на мушке – это оскаленная пасть разъярённого хищника. Самая подходящая цель! В последний и решающий миг Андрей успел нажать на курок, и в его сознании холодным липким ужасом разорвалась... тишина. Вместо выстрела – оглушительная тишина!!!

У молодого паныча молнией успела проскочить мысль: «Это конец!» Тело и волю окончательно сковал дикий ужас. Андрей стоял с направленным в медведя бесполезным ружьём, не в силах даже пошевелиться. Он с ужасом продолжал смотреть через прицел на разъярённого зверя и видел там свою смерть. И тут неожиданно, с задержкой, всё же прогремел выстрел. С кремниевыми ружьями такое иногда случается. Андрей лишь успел подумать, что на его счастье, он в онемении не опустил ружьё.

В шоке молодой Хилькевич не почувствовал ни отдачи, ни дымной гари пороха. Не слышал он и вырвавшегося горестного оханья мужиков. От неимоверного пережитого ужаса и от сильнейшего удара когтистой лапой человеческое сознание не выдержало и покинуло брренное тело. Последнее, что резануло рассудок Андрея, – это слишком тошнотворный утробный смрад из пасти зверя...

Медведь уже завершал свой бросок, и занесённая для смертельного удара лапа с выпущенными когтями уже готова была поставить жирную кровавую точку на жизни этого тщедушного и перепуганного человечка. Зверь был уже настолько близок к цели, что мог отчётливо различить в расширенных от ужаса глазах напротив отражение своих огромных клыков, готовых сомкнуться на шее жертвы. Человек не убегал и не предпринимал никаких попыток защититься. Выставленная небольшая странная палка не могла остановить всю мощь и силу дикой свирепости. И когда зверь уже ожидал ощутить под своей лапой возбуждающий хруст костей жертвы, в его голове вдруг разорвались мириады молний. Огненно-разноцветные круги в один миг нестерпимо обожгли всё тело. Ослепительный свет, резанувший глаза, так же мгновенно угас. Угас вместе с жизнью...

Падая замертво, медведь всё же нанёс слабеющий удар по плечу человека. Клыкастая пасть в смертных судорогах хватала воздух в каких-нибудь двух-трёх вершках от шеи подмятого охотника. Сражённый наповал медведь шатун теперь уж никогда не узнает, удачный был его бросок или нет...

Первыми к лежащему под медведем Андрею Семёновичу подбежали мужики. Всё ещё опасаясь зверя, они с усилием скинули рогатинами мелко подрагивающую в предсмертных конвульсиях тушу с придавленного охотника. Видя окровавленного и находящегося в беспомощности паныча, все испуганно суетились, и никто толком не знал, что именно надо делать.

– Андрей Семёныч! Андрей Семёныч! – нервно закричал подбежавший Прохор.

Упав на колени и стараясь привести паныча в чувство, он судорожно растирал его лицо снегом.

Наконец Андрей начал приходить в себя. Тихо простонав и открыв глаза, он некоторое время непонимающе смотрел на склонившихся над ним бородатых мужиков. Словно из под-земелья до него доносились обрывки фраз:

– Кажись, жив. А ведь могло...

– Слава тебе, Господи. Будет жи...

– Андрей Семёныч, ну как вы? – уже весьма осмысленно понял последние слова Андрей.

– Ничего... вроде цел, – тихо ответил паныч и тут же сморщился от боли, попытавшись самостоятельно подняться.

– Лежите, лежите, – придержал его Прохор, – сейчас плечо гляну.

Кровоточащие царапины были хоть и глубоки, но для жизни не опасны. Прохор быстро разорвал подол своей рубахи и перевязал плечо Андрея.

Мужики в неописуемой тревоге перешёптывались, поглядывая то на паныча, то на страшное бурое чудище. И смятение их было понятно: не дай бог с панычем будет что-то худое – им тоже мало не покажется. Хотя, конечно, основная вина ляжет на Прохора.

Вскоре послышались голоса и шум приближающихся охотников, которые оставались стоять на номерах. Услышав выстрел и горестные крики мужиков, а также нарушая все писанные и неписанные охотничьи законы, они в неописуемой тревоге бросились навстречу загонщикам. Всё пошло не так, как задумали светлые панские головы. Тут уж, как говорится, человек предполагает, а бог располагает.

Первым из чащи показался пан Войховский. Увидев, что Андрей ранен, он остановился с расширенными от испуга глазами. Следом, тяжело сопя, двигались Семён Игнатьевич и отец Прохора – Гришак. Стягивались к этому месту и спешащие вместе с ними мужики.

И вот тишину предсказуемо разорвал истошный крик пана Хилькевича:

– Андрюшенька! Сыночек! Господи, как же это?!..

Семён Игнатьевич рухнул на колени и начал лихорадочно осматривать и ощупывать сына. Руки и голос его дрожали от волнения. Сердце вот-вот могло дать сбой. Видя перед собой бледное лицо Андрея и проступающие через повязку кровавые пятна, Семён Игнатьевич вдруг остро ощутил дикий ужас. Он вдруг с какой-то трагической ясностью понял, что мог сейчас потерять одного единственного сына, свою любимую кровинушку. Он понял, что страшная беда прошла совсем рядом, мимолётно лишь задев его своим прикосновением.

Крайне взволнованный пан Хилькевич уже не мог унять своих чувств. Он захлёбывался страхом и сипел одышкой, издавая горестные стоны.

– Отец, всё обошлось. Не надо так переживать, – уже Андрей пытался успокоить отца.
– Я сразил его одним выстрелом.

– Как же так случилось, что он достал тебя? Как такое могло случиться? – ощупывая пораненное плечо сына и словно бредя, бормотал Семён Игнатьевич.

– Случайность, отец. Сам не пойму. Мы с Прохором только разделились, а тут из зарослей он и выскочил прямо на меня.

– А-а-а! – вспомнив о Прохоре, вдруг со злостью прорычал пан Хилькевич и вскочил, – так этот хваленый охотник всё же оставил моего сына наедине с медведем!

– Не оставлял я Андрея Семёныча. Так получи...

– Молчать, быдло! Семь шкур спушу! – пан Хилькевич гневно прервал Прохора и, выхватив у одного из мужиков кнут, в ярости начал хлестать опешившего хлопца. Выдохшись, Хилькевич отбросил кнут и злобно процедил:

– Это тебе так просто с рук не сойдёт. – Переведя взгляд на своего друга, он с укором продолжил: – Да-а-а, Егор Спиридонович, понадеялся я на ваши заверения насчёт этого холопа, а зря! Наверняка струсил сукин сын в решающую минуту. Небось схоронился в сторонке, да ещё и со злорадством наблюдал, как медведь панскую душу губит!

Каждое слово пана Хилькевича большее плети хлестало по самолюбию Прохора, калёным железом жгло сердце. А тут ещё и Егор Спиридонович с упрёком добавил:

– Что ж ты, Проша, за Андреем Семёновичем не присмотрел. Строгий давали тебе наказ, чтоб рука об руку шли, страховали друг дружку, а ты не уследил за этим. И то, что Андрей Семёнович ранен – твоя вина.

Голос Егора Спиридоновича сквозил разочарованием и укором. Это ещё больше ранило душу парня.

– Егор Спиридонович, так я ж ...

– Всё, Прохор, молчи... не надо никаких оправданий. Подвёл ты меня. Сильно подвёл. Если б не хладнокровие и выдержка Андрея Семёновича – большая беда приключилась бы. Ружьё верни. Оно теперь без надобности тебе, – твёрдо сказал пан Войховский и, повернувшись к мужикам, приказал: – Немедля подогнать сюда сани. Андрея Семёновича к доктору срочно надо.

Заметив, что Прохор всё ещё неподвижно стоит, пан Войховский шагнул к нему и со злобой почти вырвал из его рук ружьё.

– Будешь наказан. Пшёл вон, – процедил он сквозь зубы.

Горький комок несправедливости и обиды подкатил к горлу молодого охотника. Прохор никогда не считал себя трусом, и ему до глубины души было обидно слышать такие обвинения. Да, в пылу охотничьего азарта он потерял из виду паныча, но до последнего момента думал, что тот бежит за ним. Он сделал всё что мог и виновным в случившемся себя не считал. Хоть бы слово в оправдание дали сказать. Да ведь пан всегда прав, и ничего тут не поделаешь. Такова уж доля мужицкая: всегда быть крайним и виноватым.

Прохор не стал лезть со своими оправданиями. Он лишь с горечью бросал взгляды на самую дорогую для него вещь – ружьё, которое один из крестьян неумело держал в руках.

Пока мужики, орудуя топорами, выбирали и расчищали дорогу для подъезда саней, Семён Игнатьевич и Егор Спиридонович, немного успокоившись, начали с интересом рассматривать добытого зверя. Это был великолепный трофей.

Семён Игнатьевич не удержался и легонько пнул медведя носком сапога, словно ещё раз желая убедиться в том, что никакой опасности уже нет. В этот момент его одолевало двоякое чувство: с одной стороны, он был горд за своего сына, справившегося с таким зверем, а с другой – страх, что всё могло быть наоборот.

Как и любого охотника, пана Хилькевича и пана Войховского очень интересовало, куда попала пуля.

Часть головы медведя заплывла кровью, но бывалые охотники без труда определили, что пуля вошла не точно в лоб, а чуть ближе к уху.

– Молодец. Хороший выстрел, – сказал Егор Спиридонович, как бы желая смягчить вину перед гостем за нелепую оплошность своего охотника.

– Да... попади пуля в другое место – и неизвестно как бы всё обернулось, – согласился Хилькевич.

– Ваш сын, Семён Игнатьевич, выше всякой похвалы. А вот о своём ловчем... Не ожидал, что смалодушничает.

Всё это время Прохор, понуро опустив голову, стоял рядом в сторонке. Стоял один в глубоком смятении и... всё слышал. Несправедливое унижение переполняло горечью душу парня.

Андрей был уже на повозке. Пан Хилькевич и Егор Спиридонович спешно направились к нему. Неожиданно пан Хилькевич оглянулся на Прохора. Взгляды холопа и барина скрестились.

– Одну шкуру спущу со зверя, а семь – с тебя. Знай об этом уже сейчас, – угрожающе прорычал пан Хилькевич на прощание.

Прохор взгляд не опустил – он просто отвернулся в сторону.

Повозка отъехала. Гришак подошёл к Прохору.

– Ладно, сын, не принимай близко к сердцу. В жизни всяко ведь случается, – грустно сказал он.

Прохор промолчал на утешение батьки. Ему вообще хотелось сейчас уйти куда-нибудь в самую глубь леса и побыть одному.

Гришак, словно сам в чём-то провинился, с жалостью глянул на Прохора. Он не знал, какими словами сейчас можно поддержать сына.

– Хорошо, что хоть одними царапинами обошлось. Авось всё и перегорит у панской милости... А паныч всё же молодец. Не струхнул... – начал было опять говорить Гришак.

– А я, по-твоему, что?! Я струхнул?! – Прохор вдруг резко и со злостью перебил батьку.

– Ну... Я хотел просто сказать, что рука у него не дрогнула. Расстояние, конечно, небольшое – тут не промажешь... Но ведь и не заяц же на тебя прёт. Метко пулю вогнал в голову. Только вот я не пойму: коли медведь шёл на Андрея, то отчего дырка в его голове у самого уха. Может, он ...

– «Может», «не может»! – в отчаянии зарычал вдруг Прохор. – Ничего не «может»! Потому что в медведя стрелял я! Я этому барчуку жизнь спас, а меня кнутом за это. И рот в оправдание не дали открыть.

Прохор ещё что-то резкое выкрикнул и, махнув в сердцах рукой, бросился прочь куда глаза глядят. Ему казалось, что сейчас только лес может понять и успокоить его раненую душу.

Гришак некоторое время стоял с открытым ртом, осмысливая услышанное, а затем с тревогой прошептал:

– О, Господи! Такую правду они теперь не захотят признать. Как бы ещё хуже не было...

Глава 4

Маёнток пана Хилькевича находился примерно в полутора десятках вёрст от местечка Каленковичи*. Семён Игнатьевич по меркам Полесского края считался помещиком средней руки. В крепостных у него числилось около сотни душ. Более половины этих крестьян жили в селе Черемшицы, а остальные – в окрестных небольших деревеньках и на хуторах.

Черемшицы раскинулись на небольшой возвышенности в живописнейшем уголке белорусского Полесья. С одной стороны к самым хатам подступал смешанный лес с множеством вековых деревьев. С другой – раскинулись луга и сенокосы с островками ивовых зарослей, сгущающихся по мере приближения к небольшой речке – притоку Припяти.

Речка хоть и не широка, но полноводна – местами, в омутах, взрослый человек мог по шею погрузиться в её глубине. Вода кишела рыбой; у берегов и на мелководье стояли стены камыша, рогоза, тростника, где гнезилось множество водоплавающей птицы; плывя по течению, можно было увидеть с дюжину бобровых хаток, а также иногда и самих хозяев этих удивительных жилищ.

Белорусские селяне не мыслили своего существования без леса и неисчислимых рек и водоёмов. Грибы, ягоды, рыба, древесина, смола и многое другое – всё это служило огромным подспорьем и необходимостью в их нелёгкой жизни.

Среди полешуков было немало охотников, ну а рыбку сноровисто выловить различными снастями на Полесье умели даже дети, причём в любое время года.

Весной соломенные крыши селянских хат утопали в буйной зелени и в дурманящем аромате черёмухи. Летом липы радовали медовым запахом. Зелень щедро дарила земле свежесть и прохладу. Осенью взор очаровывали золотистые уборы деревьев. Осенняя пора по красоте – это сказочное время природы. Каких только оттенков не увидишь на растительном ковре, вобравшем в свою палитру все цвета радуги. Но всё же осенью этот живой ковёр прошит одним основным цветом, собранным за летние дни – солнечным.

И каждое время года на Полесье по-своему прекрасно. Сейчас же на дворе стояла зимняя пора – канун рождества.

Ясный, с лёгким морозцем день придавал праздничности и хорошего настроения. Ничто не предвещало ненастья или тем более сильной вьюги. Коты не сворачивались клубками, пряча носы в тёплый пух; настырные воробьи и юркие синицы не залетали под стрехи и повети, ища убежища. Люди и животные не предчувствовали никаких резких перемен ни в погоде, ни вообще в жизни.

Но с наступлением сумерек в село вместе с темнотой начала заползать необъяснимая тревога. Сначала незаметно, вкрадчиво. Многие даже и не поняли, когда и отчего у них начало меняться настроение, находила непонятная угнетённость. И чем дальше, тем это ощущалось более остро.

Не было слышно ни задорного лая собак, ни звонкого смеха девчат, спешащих в какую-либо хату на посиделки, чтобы за разговорами да песнями коротать долгие зимние вечера; не раздавались и басовитые, с прокуренной хрипотцой, мужские окрики, вроде как для порядка посланные домашней скотине или замешкавшимся домочадцам. А домочадцев-то этих в каждой избе как семечек в подсолнухе. Вот и получалось такое, чего раньше никогда не бывало: людей под каждой крышей уйма, а в хатах непривычная тишь.

Вместе с ночью на село и вовсе опустилось крайнее беспокойство; под заснеженными крышами людских хат полновластной хозяйкой воцарилась зловещая напряжённость; в души людей и животных закралось холодное и липкое чувство надвигающейся беды. А затем всё вдруг замерло, затаилось, словно хищник перед прыжком. И людям теперь не давала покоя лишь одна мысль: что-то должно случиться!

В тревожном предчувствии мучительно медленно тянулось время. Ночь ещё не вступила в полную силу, а многие селяне в каком-то нетерпении уже подумывали о скорейшем наступлении утренней зорьки.

Но никто не властен изменить ход времени – оно идёт с полнейшим равнодушием и к томительным ожиданиям и к скоротечным опозданиям. Вот и сейчас время шло своим размеренным ходом, не обращая внимания ни на людские тревоги, ни на их радости.

В слеповатые окошки хат давно уж заглядывали далёкие звёзды, словно наблюдая все ли на Земле в порядке. Казалось, что своим таинственным величием они специально подчёркивали всю мизерную сущность человеческого бытия.

Напряжение нарастало. В установившейся давящей на сознание тишине уже явно ощущалось присутствие какой-то неведомой силы. Враждебной силы!

Но особая тревога и необъяснимый страх витали под крышей хаты Петра Логинова – панского приказчика. Дурное предчувствие шептало, что именно в его дверь может постучаться беда или, в лучшем случае, большая неприятность.

– Ох, чует сердце что-то недоброе, – тревожно, почти шёпотом, канючила Марфа, жена приказчика.

– А чего может статься? Дома все живы-здоровы. На службе у Семёна Игнатича тоже, кажись, всё ладно. Хотя и в отъезде пан Хилькевич, да все наказы исполняются, – придавая голосу уверенности, ответил панский приказчик и глава семьи Петро.

Петро был мужиком крепкого склада. Рассудительный, но всё же временами и вспыльчивый. К своему сороковнику он заслужил уважение не только односельчан, но и пана Хилькевича, хотя взбучки от него всё равно иногда получал.

– Хотя бы Семён Игнатич скорей воротился. Сколько ж можно по охотам да по гостям мотаться? – тихо продолжала причитать Марфа.

– Это уж не твоего, бабьего, ума дело. Когда надо будет им, тогда и воротятся, – приструнил Петро жену.

Неожиданно на дворе поднялся ветер. Робкие вначале дуновения быстро перерастали в шквалистые порывы. Небо вмиг затянулось тучами, скрывшими своими чёрными крыльями звёзды и бледное лунное светило.

Ветер всё крепчал, и вскоре за разукрашенными морозом окнами начало твориться что-то невообразимое.

Такая резкая и внезапная перемена в погоде ещё больше нагнала необъяснимого страха на людей. Тяжёлые завывания ветра, сменявшиеся то глухими стонами, то лихим посвистом, не давали спокойно отойти ко сну ни старым, ни малым. Прохудившиеся облака начали усердно осыпать землю снежными хлопьями. Подхватывая падающие снежинки, ветер долго кружил их в дьявольском хороводе, заматавая дороги и забивая снегом все щели в селянских постройках.

Примерно в полночь всё буйство непогоды так же внезапно затихло. И опять над крышами хат воцарилась тишина. Это была уже какая-то необыкновенная, звенящая тишина.

Многие, так и не уснув, молча лежали с открытыми глазами. Боясь даже шёпотом нарушить установившееся безмолвие, люди с тревогой гадали: «К чему бы это? Хотя бы не ввалилось какое лихо в нашу хату». И все как один мысленно просили Бога не покидать их в такую тревожную годину.

Вдруг нагнетённое напряжение в избе Петра, словно оглушительным громом разорвалось от тихого и осторожного стука в окошко. От неожиданности все, за исключением двоих всё же уснувших малолетних детей, вздрогнули.

У Марыли – старшей дочери Петра – бешено забилося сердце. Марфа горестно охнула и ещё больше перепугалась от своего произвольно вырвавшегося вскрика. Сам же Петро лишь слегка вздрогнул. Хотя и старался он держаться спокойно, но в душе лавиной разрастался тревожный ком.

– Кого там черти принесли в такой час? – скрывая дрожь в голосе, недовольно проворчал он и, встав с полатей, медленно направился к единственному окошку, в котором вместо бычьих пузырей стояли кусочки стёкол.

Сквозь маленькие залепленные снегом оконные стёклышки ничего не удалось разглядеть. Да и облака ещё не рассеялись, закрывали собой лунный свет. Так ничего и не увидев, Петро стоял в темноте и в нерешительности нервно чесал волосатую грудь.

Повторный стук, теперь уже более настойчивый и громкий, заставил опять всех вздрогнуть. На этот раз стучали в дверь.

– Кто там?! Чего надобно?! – стараясь придать голосу побольше строгости, спросил приказчик.

– Петро, открой. Это я! – раздалось из-за двери.

– Кто «я»?

Петру голос показался знакомым, но кому именно он принадлежал, приказчик вспомнить никак не мог.

– Да Кондрат я, Сыч. Неужто не признал?

Только теперь узнав в ночном госте односельчанина, Петро облегчённо вздохнул и, отодвинув засов, открыл дверь. Морозный воздух клубами хлынул в хату.

– Ну что там стряслось? Чего это в такой поздний час понадобилось тревожить людей?

– Особенного ничего и не случилось. Просто велено передать, что Семён Игнатьевич с сыном завтра возвращаются. Прасковья Фёдоровна приказала, чтоб к их приезду всё было готово.

– А чего готовить-то? И так всегда всё готово, – удивился Петро странному приказанию Прасковьи Фёдоровны, супруги пана Хилькевича.

– Ну, я наказ передал, а там уж поступайте, как заблагорассудится, – каким-то отрешённым тоном произнёс Кондрат и, неотрывно глядя Петру в глаза, тихо попросил: – Дай воды попить, человеку. Приморился я крепко, пока до тебя добрался в такую-то непогоду...

Даже сквозь крошечный полумрак от тяжёлого взгляда ночного гостя Петра пробил неприятный озноб. Хотя, насколько он знал Кондрата Сыча, это был обыкновенный крестьянин – безобидный и горепашный мужик. И всё-таки, чтобы побыстрее избавиться от позднего вестового, приказчик без слов прикрыл за собой дверь и молча направился к кадке с водой.

Марыля всё это время напряжённо вслушивалась в разговор, пытаясь понять, что происходит. Она отчётливо слышала почти каждое слово батьки, говорившего с порога, а вот голос ночного гостя, стоявшего на улице, так ни разу и не расслышала. И у неё создалось впечатление, что батька разговаривает сам с собой. Но всё же по выражению высказываний явствовало, что за порогом всё-таки кто-то есть.

Вот Марыля ясно различила шаркающие в темноте шаги батьки, подошедшего к кадке с водой. Затем тихий всплеск – это он набрал ковшиком воды. Опять шаги, скрипнула дверь, и послышались тихие слова батьки:

– На. Пей и уходи. Не лето, чай, на дворе. Холод вон по всей хате уже гуляет.

Медленно тянулась установившаяся пауза. Видимо, посыльный пил воду. Но вот опять раздался уже раздражённый голос Петра:

– Ну что ты обнюхиваешь эту воду, будто конь яки? Не облизывайся, не горелка это, – начал закипать приказчик. – Ну вот! А говорил: «Пить хочу». Давай ковшик – и пошёл отседа!

Через мгновение дверь захлопнулась. Послышался звук брошенного на лавку деревянного ковша и недовольное ворчание приказчика.

Петро ещё раз без всякой причины выглянул в окошко и, ничего не увидев, направился к полатам.

Марыля смутно различала силуэт батьки, осторожно передвигающегося в темноте. Ей не терпелось узнать, кто и зачем приходил. Она хотела уже спросить об этом, но мать её опередила:

– Петро, уж не стряслось ли где чего худого? Кому это в такой час неймётся?

– А-а, так... Ничего важного. У нас любят устроить переполох при ловле блох, – попробовал отшутиться Петро, но какой-то тяжёлый осадок от этого не исчез, и он всё же добавил всерьёз: – Пан Хилькевич завтра приезжает, так Прасковья Фёдоровна беспокоится, чтоб всё в порядке было к их приезду. Аж ночью посыльного спровадила. Вот бабы!

– А-а, – облегчённо протянула Марфа. – А приходил-то кто?

– Сыч приходил. Кондрат. Только странный он какой-то был. Небось отправить отправили, а разбудить забыли.

Агафья собиралась было ещё что-то спросить, но вдруг так и замерла с открытым ртом, услышав о Сыче. Расширенные от ужаса её глаза смотрели в темноту, и воля женщины была скованна неопишимым страхом. Петро ничего этого не заметил.

Марылю тоже обуял ужас, и у неё вырвался крик:

– Тата, ты что говоришь?! Сыча ж ещё на Покров похоронили! Как ты мог так обознаться?!

– Да не обознался я! Он даже... – огрызнулся Петро, словно его в чём-то винили, и тут же осёкся, осознав наконец, чудовищную сущность случившегося.

Холодная испарина покрыла лицо и тело приказчика. Разум отказывался верить в произошедшее. Но в то же время Петро начал осознавать, что только сейчас он возвращался в настоящий мир. Перед этим, как только он отворил дверь, на него снизошла какая-то пелена, окутавшая туманом сознание и убравшая из памяти и похороны Сыча, и то, что он давно уже покойник.

Ясность мысли окончательно восстановилась, и от этого Петру стало ещё хуже. Панический страх верг семью приказчика в какое-то безмолвное оцепенение.

Марыля, до боли закусив войлочное одеяло, еле сдерживала вырывающийся крик страха. Ей хотелось лишь одного – проснуться. Ей хотелось, чтобы это был всего лишь сон, кошмарный сон!

Марфа, как ни странно, не паниковала и по-бабьи не выла; не причитала и не рвала в истерике на себе одежду. Ей сейчас было не до покойников и не до живых: глубокий обморок на время избавил перепуганную женщину от всех волнений и страхов.

Сам же Петро, сидя на полатах и сжимая голову руками, словно оправдываясь, начал нервно бормотать:

– Как же так? Что ж теперь рабить? Господи Иисусе... И голос его не сразу признал... и воду обнюхивал, словно зверь какой. Не! Не может такого быть! Темно – вот и обознался. Спросонья да в темноте всяко ведь может быть... – И вдруг Петра осенило: – Снег! Должны быть следы! Вот сейчас гляну...

– Стой! – остановила Марыля вскочившего батьку. – Время сейчас поганое. Лучше утроем. А пока... молиться надо.

Обознался или не обознался панский приказчик – неведомо, но в его хате до утра тускло мерцала лампада перед иконами, и все, кроме детей малых, стояли на коленях и до исступления читали «Отче наш» и другие молитвы, какие только знали. До рассвета на темных стенах избы мелькали огромные тени от людских фигур, неистово отбивающих поклоны Николаю Чудотворцу и Пресвятой Богородице.

Чуть начало светать, и Петро, накинув тулуп и натянув валенки, приоткрыл входную дверь. Морозный воздух приятно наполнил грудь свежестью. Глубоко вздохнув, Петро с надеждой и упованием на милость божью сначала глянул на небо, где уже занималась утренняя заря. В который уж раз попросив у Бога защиты, он перевёл дух и с волнением собирался опустить взор на землю. От того, что он там увидит, можно сказать, зависела его дальнейшая судьба...

У приказчика ещё теплился луч надежды, что он всё же обознался, недосмотрел или напутал что-либо. Любая такая оплошность была бы ему сейчас за счастье. Ведь по народным поверьям мертвецы даже снятся всегда неспроста. Если что-то дают или просто говорят, то это можно истолковать как добрый знак. А вот если зовут или просят что-либо, то ни в коем случае нельзя откликаться и давать им что просят, особенно пищу или личные вещи. А полешуки в поверья верили слепо и непоколебимо старались придерживаться всех общепринятых условностей.

Смертный страх, влезший в хату Петра Логинова, был ещё более ужасен тем, что вселился к нему на постой не во сне, а наяву. Ну никак не могло всем одновременно такое прийтись! А надежда-то теплилась, хоть и махонькая, да поддерживала семью приказчика. А вдруг поутру всё растолкуется просто и до смешного незамысловато? А вот, поди ж ты, с переполоху надумали бог вед чего! Эх, если б это было так...

И вот сейчас настало время окончательного определения. Петро опустил голову, но до конца произносимой им молитвы открыть глаза не решался.

После ночной вьюги всё было покрыто свежим снегом, словно незапятнанным холстом. И дело всё в том, что если Петру являлась какая-либо нечисть, то следов, по его разумению, не должно быть. А если приходил человек, и приказчик просто обознался, то тут уж как не крути, а следы будут.

Наконец закончив молитву и собравшись с духом, Петро открыл глаза. Первое, что пронеслось в его голове – это Бог услышал его мольбы. На белоснежном покрывале приказчик ясно увидел следы. Но злой рок тут же нанёс свой коварный удар! Ошалелый взгляд Петра намертво вцепился в снежный покров, на котором чётко виднелись следы – следы... копыт!

И какое бы существо здесь не наследило, всё равно оставалась непосильная загадка для человеческого разума: следов, указывающих, откуда это существо пришло и в какую сторону ушло – не было. На снегу виднелась цепочка оставленная копытами лишь от окна и до дверей.

Петру сделалось худо, и он начал медленно заваливаться на бок...

Панский приказчик полулежал на завалинке, откинувшись на бревенчатую стену избы. Впавшие за бессонную ночь глаза безучастно глядели теперь уже в никуда. Под ними словно роковой взмах птицы-пророчицы расходились черно-синие разводы. Шапка свалилась с головы, обнажив совсем поседевшие за ночь пряди волос.

Нет, Петро не умер. Отрешённость лишь на некоторое время вырвала сознание из мучительной реальности, чтобы от неимоверного напряжения человеку не стало ещё хуже...

Петро слыл мужиком неробкого десятка. Но сейчас у него внутри словно надломился какой-то важный стержень; словно какая-то сила вмешалась, вошла в самую душу и загасила огонёк, дающий жизненную стойкость...

Марыля и Марфа долго приводили в чувство Петра, а за это время впечатлительную Марфу и саму пришлось раза два обливать водой. Но, слава богу, все хоть и были сильно напуганы, зато живы и умом не помешаны.

На панский двор приказчик явился лишь после полудня. Осунувшийся, он словно тень прошёлся по двору. Челядь и дворовые вяло занимались каждый своим делом. Намётанный глаз Петра сразу выделил тех, кто только делал вид занятости. В другое бы время нерадивые работники тут же получили бы хорошую трёпку, но сегодня приказчику было не до них. Да и самому придётся сейчас оправдываться перед Прасковьей Фёдоровной за поздний выход на службу. Но, к счастью, и до Петра тоже никому не было дела, и он осторожно начал расспрашивать дворовых, нет ли новостей от пана Хилькевича.

Как оказалось, никто ничего не слышал о сегодняшнем приезде Семёна Игнатьевича. Все знали, что Хилькевичи возвратятся не раньше, чем через пять дней.

Находясь в панском имении, Петро немного отошёл душой. Что ни говори, а общение с людьми отвлекало от мрачных дум.

К концу дня приказчик впервые не просто не хотел идти домой – он боялся туда возвращаться. Но деваться было некуда.

Не успел Петро выйти со двора, как вдруг залаяли собаки, за воротами послышался шум и лошадиное фыканье. Знакомые голоса и звон бубенчиков заставили дворовых живо засуетиться: Семён Игнатьевич и Андрей Семёнович неожиданно возвратились домой.

Из дома вышла удивлённая Прасковья Фёдоровна в сопровождении кухарки. В считанные мгновения прислуга была уже готова к встрече своего «благодетеля». Петро тоже направился встречать пана Хилькевича и молодого паныча.

Открылись ворота, и санная повозка въехала во двор.

– Здравсьте, Семён Игнатиц!

– Здравсьте! – раздавалось со всех сторон.

– Вечер добры, Семён Игнатьевич, – поздоровался и Петро. – Что так скоро? Вы же собирались до воскресных деньков погостить да поохотиться.

О преждевременном возвращении пана Хилькевича Петро спрашивал не из праздного любопытства. Ведь ему ночью было сказано, что именно сегодня Семён Игнатьевич приедет и, выходит, это была правда. Больше никто в имении об этом не знал. И такая правда ещё больше сдавила душу Петра.

Пан Хилькевич не успел или не захотел отвечать на вопрос приказчика, но эта тема заинтриговала и Прасковью Фёдоровну. Поздоровавшись с супругом и сыном, она поинтересовалась:

– Ну, как погостили, Семён Игнатьевич? Мы вас, конечно, ждали, но не думали, что вернётесь так скоро. Иль угощения пана Войховского пришлись не по душе? А может, охота сорвалась?

– Да всякого отведали. И охота была, и хлеб-соль по душе пришлись, и в картишки вволю наигрались.

– А как там дочери Егора Спиридоновича? – Прасковья Фёдоровна как бы невзначай затронула сильно интересовавший её вопрос.

– О, дочери пана Войховского умницы. А старшая, Наталья Егоровна, так вообще – сама учтивость. Вот кому-то счастье улыбнётся, – задорно сказал пан Хилькевич и бросил многозначительный взгляд на сына.

Заметив это, Прасковья Фёдоровна радостно улыбнулась, как будто всё уже было решено. С трудом скрывая от прислуги свою заинтересованность, она с нетерпением произнесла:

– Что ж, пойдёте скорее в дом. За чаем и расскажете всё подробнее.

– Не спешите, мать, мы ведь и трофей необыкновенный привезли! – похвастался Семён Игнатьевич и, немного замаявшись, добавил: – Да... вот Андрюша на охоте поцарапался. Ничего страшного, но мы решили, что дома царапины быстрее заживут.

Прасковья Фёдоровна встревожилась было, но пан Хилькевич и Андрей уверили её, что такой пустяк не стоит волнений. Обняв и успокоив мать, Андрей направился в дом.

Прислуга суежилась вокруг повозки, снимая с неё вещи и перенося в дом. Дошла очередь и до большого куля, туго перевязанного пеньковой верёвкой.

– А вот это можете развязать, – приказал пан Хилькевич, украдкой поглядывая на дорогу, будто кого-то ожидая.

Он никогда не отказывал себе в удовольствии послушать восхищённые возгласы и удивлённое цоканье столпившихся зевак, рассматривающих добытые им охотничьи трофеи. И тем более сейчас, когда все будут поражены, впервые увидев шкуру настоящего медведя. Да ещё недавно обитавшего в здешних лесах.

На шумок подошли ещё несколько мужиков, а вместе с ними и дед Лявон – самая колоритная фигура в Черемшицах.

Об этом мужичке в двух словах и не скажешь. Родом Лявон был из сельской волости Автюцевичи*. Уже одна эта особенность выделяла его из остальных селян, ибо Автюцевичи славились на всю округу как самобытные и непревзойдённые выдумщики с природной смекалкой, особенно в юморе.

По годам Лявон был и не настолько стар, но так уж повелось, что все его называли дедом Лявонем. В натуре этого самобытного самородка всегда пульсировала ярко выраженная авантюрная жилка. Врождённый талант на выдумки и склонность к артистизму делали его незамеченной фигурой на всевозможных гуляньях и весёлых обрядах. Даже на посиделках молодёжи ему всегда были рады. Лявон был и большим любителем опрокинуть чарку-другую, после чего он, тоже с врождённой способностью, обязательно вляпывался в какую-нибудь историю или переделку – трагическую, по его мнению, для него самого, и комическую – для остальных. Это кратенько об основных чертах его характера и нрава. Внешне же Лявон смахивал на эдакого хитренького, но безобидного живчика. Один его вид вызывал добрую улыбку и излучал

чувство умиротворения и хорошего настроения. Кроме всего прочего, дед Лявон считал себя одним из наиболее грамотных и просвещённых среди крепостных.

Слуги, развернув грубую дерюгу, расправили и раскинули на снегу звериную шкуру. Её размеры, длинная шерсть и особенно огромные когти поражали воображение толпы. И каждый из селян с ужасом подумал примерно одно и то же: «Не приведи господь наткнуться на такое чудище в лесу!»

– И кто же подстрелил этого великана? – поинтересовалась изумлённая Прасковья Фёдоровна; ей очень хотелось, чтобы это был её сын.

– Ну, молодёжь нынче шустрая. Мы с Егором Спиридоновичем даже и выстрелить не успели, – лукавил Семён Игнатьевич, но вдруг негромко сказал: – Сын наш, Андрей, отличился.

Прасковья Фёдоровна обвела гордым взглядом толпу – жаль, похоже, никто не слышал. Она тоже подошла поближе к шкуре медведя и с изумлением разглядывала её.

Вокруг медвежьей шкуры раздавались возбуждённые «охи» да «ахи». Мужики шупали и мяли в пальцах бурую шерсть; мерили шагами шкуру, а когда выходило малое число, принимались перемеривать пядями. А один из зевак даже пробовал незаметно тоже добыть себе трофей – выдернуть внушительных размеров медвежий коготь. Ну вот надо ж быть таким недотёпой: медведь этими когтями лося разрывает, а он думает, что его пальцы покрепче медвежьей лапы будут!

– Енто не медведь, а целый слом, кажись, – деловито раздался голос деда Лявона. – Аккурат и по размерам подходит и по масти.

Дед Лявон важно обвёл всех взглядом, словно желая ещё больше подчеркнуть значимость своего заявления.

– Ну, ты опять, Лявон, со своей придурью лезешь. Какой тебе ещё «слом»?! Может, карова, а? – поддел деда один из панских слуг.

– Э-э-э, темнота затюканная! Сломы – ета такие здоровенные животные, як гора. А живут яны в тёплых краях, де снега люди сроду николи не бачили, бо там лета круглы год, – гордо блеснув знаниями, Лявон тоже нагнулся и, как заправский знаток-охотник, потрогал медвежью шерсть.

– Может быть «слоны», а не «сломы», а, дед Лявон? – поправила старика, собравшаяся было уже идти в дом, Прасковья Фёдоровна.

– Дане, барыня, сломы! Бо яны всё ломают. Спереди у них велизарные клыки торчат, а вместо носа труба висит. Вот только запомятовал какой длины шерсть. А по масти, точно кажу, вот як ентая буде, шэрая. Ну... або бурая.

– Лявон, так на слонах же нет шерсти. Разве что на твоих «сломах», – рассмеявшись, весело произнесла Прасковья Фёдоровна.

Неверие слушателей сильно задевало самолюбие Лявона. В таких случаях старый балагур заводился ещё больше. Идти на попятную было не в его правилах. А уж сбить деда Лявона с мысли или ввести в неловкое положение нестыковками в его рассказах было практически невозможно. Любое замечание вызывало у него волну новых выдумок и невероятных объяснений.

Так и на замечание Прасковьи Фёдоровны у Лявона мгновенно нашёлся ответ.

– Ну, ета кали сламы дома, дык без шерсти. А яны ж часта заходят и в соседние губернии, а там и погода другая.

Деда Лявона уже понесло, и чем больший он видел в глазах слушателей интерес, тем складнее привирал и сочинял на ходу. Вот и сейчас, войдя в словесный раж, дед Лявон без всякого угрызения совести нёс очередную ахинею о слонах.

– Мне казали, што у Смаленскую губернию раз цэлае стада сламов зайшло, продолжал он. – Зайшли – а там зима! И як же ж им без шерсти? А-а, то-то ж, – назидательно потряс пальцем Лявон.

– Во даёт дед! – кто-то аж расхохотался.

Многим слушателям любые выдумки деда Лявона было за милую душу послушать.

Пан Хилькевич с облегчением увидел санную повозку, тайком подкатившую к дому сади, но, рассказывая что-то мужикам о медведе, он не заметил, как и замёрзшая супруга тоже направилась в дом.

Войдя через главный вход, Прасковья Фёдоровна нос к носу столкнулась в прихожей со старичком интеллигентного вида с саквояжем в руках. Это был известный на весь уезд доктор.

– О, Иосиф Моисеевич, здравствуйте! Какими судьбами? И что это вы не через парадное?

– Добрый день, любезнейшая Прасковья Фёдоровна, – бодро поздоровался доктор. – Позвольте заметить, я и сам в некотором недоумении. Но таково указание Семёна Игнатьевича. Полагаю, он не хотел вас беспокоить, и ваш возничий показал, где войти. Ну-с, а теперь давайте к больному.

– К какому больному? – удивилась Прасковья Фёдоровна.

– Ну как же, голубушка? Совершенно случайно я повстречался в дороге с Семёном Игнатьевичем, и он попросил меня осмотреть воспалившиеся раны у Андрея Семёновича. А что с ним случилось-то?

Прасковья Фёдоровна испуганно воззрилась на доктора, а затем молча ринулась в комнату сына. Доктор скоренько поспешил за ней.

Увидев зашедшую вместе с доктором Прасковию Фёдоровну, Андрей немало растерялся. Та тоже испуганно смотрела на сына.

– Здравствуйте, Андрей Семёнович, – всё так же бодренько поздоровался доктор и, поставив саквояж и надев пенсне, привычно произнёс: – Ну-с, голубчик, давайте посмотрим, что там у вас.

Виновато глянув на матушку, Андрей с гримасой боли стянул одну сторону рубахи и оголил плечо. На плече виднелись четыре рваные воспалившиеся полосы, вид которых был точно не для слабонервных.

– Андриюшенька... это что такое? – с придыханием ужаснулась Прасковья Фёдоровна, машинально приложив руку к губам.

– Мам, ну мы же говорили: свалился с дерева, – отводя взгляд, Андрей смущённо повторил заученную неправду.

Склонившись над плечом, Иосиф Моисеевич сначала поцокал языком, а затем, изумлённо покачав головой, выдал свою версию:

– Вы, Андрей Семёнович, как-то уж крайне неудачно свалились. По форме и размерам я бы даже сказал, что это след от лапы какого-нибудь зверя: медведя, например. Да где ж у нас теперь те медведи?

– Ох, господи! – горестно охнула Прасковья Фёдоровна и, обессиленно рухнув на стул, схватилась за сердце.

Доктор испуганно распрямился и начал переводить растерянный взгляд то на Прасковию Фёдоровну, то на Андрея.

– Простите, я что-то не то сказал? – в недоумении спросил он.

Андрей виновато глянул на матушку и обратился к доктору.

– Иосиф Моисеевич, два дня назад мы с отцом были на охоте... Шкуру медведя мужики разглядывают во дворе.

– Ну, уважаемый... – доктора аж передёрнуло, – право, не знаю, как вы ещё живы остались...

Как только в дом зашёл пан Хилькевич, пришедшая в себя Прасковья Фёдоровна начала допытывать его и сына, выпытывая правду. На все вопросы у пана Хилькевича был один ответ: в случившемся немалая вина Прохора Чигиря, крепостного охотника пана Войховского.

– И вы оставите это безнаказанно? Немедля его сюда!

Разгневанная Прасковья Фёдоровна уже просто не могла ни сидеть, ни стоять. Она как заведённая ходила туда-сюда, до боли заламывая себе руки.

– Разберёмся, – неуверенно ответил Семён Игнатьевич.

– Уж извольте постараться, разберитесь. А я этого холопа уже ненавижу! – угрожающим тоном прошипела Прасковья Фёдоровна.

Глава 5

Куций и чахлый зимний день бесславно пал под грозной поступью уверенно сгущающихся сумерек. Медвежьей шкуру унесли. С панского двора мужики расходились с яркими впечатлениями и отличным настроением.

Не стал долго задерживаться и приказчик. Отдав кое-какие распоряжения дворовым, он неуверенным шагом направился домой. Свернув в улочку, ведущую к своей хате, Петро различил трусившую впереди фигуру деда Лявона и ускорил шаг.

– Ну что, Лявон, не выгорело чарки на панском дворе? – поравнявшись с дедом, спросил приказчик. – А то на радостях да за приезд пана могло б и перепасть что-нибудь.

Петру хотелось в разговоре хоть немного отвлечься от чёрных мыслей, одолевавших его наедине.

– Ага, там перепадёт – батогом по бокам! Да яще и на завтра пригласят на опохмелку явиться! – обрадовавшись важному попутчику, бодро ответил Лявон.

– А про слонов-то этих, ты откуда знаешь?

– Дак я ж по молодости, кали на подряде был, многому научился. Даже грамоте обучен был. Вот книжку про етых сломов там и читал. – Лявон не мог удержаться, чтобы хоть что-нибудь да не приврать.

То, что Лявон был на подрядных работах – сущая правда. Да не где-нибудь, а в самом Менску*. Тогда многие помещики отдавали своих крепостных внаём. Вот только условия, в которых жили и работали наёмные рабочие, часто оказывались почти каторжными. Но Лявону повезло. Он вместе ещё с тремя мужиками был отобран для работы у небольшого городского начальника, живущего в самом Менску.

Неизвестно каким образом, но Лявон там завёл знакомство с гувернёром господских детей, от которого и почерпнул свои познания в грамоте и общем кругозоре.

Вернувшись в село, Лявон считал себя на голову выше всех остальных крепостных. Выучив полтора десятка букв и умея с горем пополам прочитать из них слова, состоящие из одного или двух слогов, он важно расхаживал по дворам и хвастался, что может справиться даже на должности писаря.

Сначала более-менее правдивые рассказы о городской жизни, о его работе там, о похождениях и приключениях привлекали слушателей и придавали Лявону значимости в глазах односельчан, но со временем запас историй иссяк, и, чтобы поддерживать к своим рассказам интерес, он начал понемножку привирать и сочинять. Уже известные всем повествования Лявона обрастали вдруг новыми деталями и развязками. Все, конечно же, понимали, что слушают старую сказку в обновлённом облачении, но даже старую сказку Лявон преподносил с таким артистизмом, что и в сотый раз было любо-дорого её послушать.

– Так, так, – уверял дед приказчика, – в городе я большущую книжку про сломов прочитал. Правда, давно это было. В той книжке про всяких диковинных зверей написано, – ни капельки не смущаясь, врал Лявон.

Петро не стал оспаривать слова насчёт чтения книжек, да ещё и больших. Он просто заметил, что в речах Лявона всегда можно найти зерно истины. Пусть оно и страдает в облачении всевозможных измышлений, но суть остаётся верной. Взять хотя бы этих слонов. Ну и что, что Лявон немного не так их называет. Но они ведь существуют! И живут в тёплых краях, и ростом они почти с хату, и клыки огромные есть. Всё это Прасковья Фёдоровна сама подтвердила. Так что не так прост этот дед Лявон. Может просто надо уметь его слушать и научиться выбирать зёрна из плевел.

– Да-а-а, Лявон, повезло тебе, что немного свету повидал.

– Я гляжу, Кузьмич, грызёт тебя тревога якая-то, – неожиданно и уже совсем серьёзно произнёс дед Лявон. – Ежели не секрет, поделись. В таких случаях выговориться надо, душевный груз разделить с кем-то. Авось и полегчает.

Петро даже приостановился. Ему самому уже давно хотелось кому-нибудь всё рассказать, совета спросить. Но пока не решался. А тут раз – и твои помыслы и страхи кто-то читает, как «Отче наш». Ну, старик! Ну, удивил!

– Послушай, дед... а пошли-ка ко мне. По шкалику выпьем, грибочками солёными закусим, – неожиданно даже для себя предложил Петро.

Тут уж и дед Лявон от такого нежданного предложения чрезмерно удивился. Сам приказчик в гости к себе звал! Дед принадлежал к тому типу людей, для которых такие предложения дважды повторять не надобно.

– Хм. А чего ж не пойти? Пошли, коли не шутишь! – с радостью согласился он.

Солёные огурцы и грузди были отменной закуской. Выпитая горелка приятно согревала нутро. При свете чадившего каганца* и зажжённой в припечке* лучины, Марфа и Марыля с недоумением поглядывали на Петра, стараясь понять, что происходит. Такого ещё никогда не было, чтобы панский приказчик привёл домой и вместе пил горелку с каким-то баламутом, самым нищим и непутёвым мужиком на селе.

А хозяин тем временем, выпив с гостем ещё по одной чарке, вдруг спросил у Лявона:

– Вот скажи мне, дед... Ты прожил уже немало, кое-где побывал, кое-чего повидал... А не приходилось ли тебе видеть или слышать о такой живности, чтоб по небу летала как птица, а на ногах вместо лап росли копыта... ну, точь-в-точь как у козы.

– Ха! А чего ж не слыхал! И слыхал, и встречал! – бодро ответил дед Лявон, довольный угощением. Он теперь на любой вопрос отвечал бы только утвердительно.

Через несколько мгновений в изворотливом на выдумки мозгу Лявона уже были готовы несколько вариантов ответа. И он выбрал самый, на его взгляд, захватывающий ответ, сулящий неперенной просьбы хозяев продолжить эту тему.

Все домочадцы, услышав концовку беседы и затаив дыхание, напряжённо ожидали, что скажет гость. А подвыпившему Лявону главным было заинтриговать хозяев, чтобы подольше задержаться в тёплой хате, да ещё и за столом. Сделав таинственно-испуганную мину на лице, он подался вперёд и громким шёпотом выдохнул:

– Ведьма!

Сам Лявон о ведьмах, конечно же, много всякого слышал, для Полесья это вовсе не редкость. А вот чтобы воочию увидеть или повстречать летающую или ползающую нечисть, да ещё и с копытами вместо ног – не приходилось. Но хитрый дед живо заметил, что его задумка сработала.

Петро застыл как громом поражённый, щёки его побледнели. Вскрикнула испуганно Марфа, уронив на пол веретено, которое держала лишь для того, чтобы занять руки. Марыля

вздрогнула и затаила дыхание. Лишь малые дети продолжали беззаботно дурачиться за печкой. На их долю ещё хватит всяких волнений и невзгод. Всё впереди...

Чтобы ещё больше произвести впечатления на испуганно застывших хозяев, Лявон решил дальше развивать удачно выбранную тему:

– Ведьма, ведьма, – словно убеждая в правдивости своих слов, таинственно повторил он. – А яще я знаю точно, што пришла старуха тоже якшается с нечистым, а посему – тоже ведьма. И живе яна у черта на куличках, як и полагается ведьме. А сколько за последнее время бед сотворилось? Раней такого не бывало. Вон у Архипа малец по льду игрался, да и ногу сломал. Он который уж год с детьми на реке зимой играет – и ничего. А чего тогда вдруг беда приключилась? А оттого, што Архип перед этим ехал от кума, добра выпивши, да чуть не придавил Химу конём. Думал, баба наша деревенская перед ним – спяну-то не разобрался! Объехал Химу, да яще и пихнул яе в снег. У нашего мужика на такое всегда геройства хватает. Вот и поплатился детским увечьем... Во, брат, якие дела!

Дед Лявон сумел в трёх словах намешать правды с домыслами и, приукрасив рассказ своими умозаключениями, замолчал с чувством исполненного долга. Затем он важно обвёл всех взглядом и, удовлетворившись напущенным на слушателей страхом, заслуженно потянулся к налитой чарке.

Петро предполагал такой ответ, но в глубине души всё же надеялся, что Лявон расскажет о каком-нибудь неведомом существе, в которое он с радостью бы поверил. Но слова деда Лявона лишь подтвердили его жуткую догадку. Ответ старика, словно ножом полоснул Петра по сердцу. Оно бешено забилося в предчувствии перемен к худшему. Приказчик уже и сам твёрдо догадывался, чьи это козни и за что. А ведь было за что...

Глава 6

Старуха Серафима появилась в окрестностях Черемшиц около года назад. Откуда она пришла и кто она такая, никто толком сказать не мог. А поселилась пришла старуха в заброшенной охотничьей избушке, которая стояла в глухомани как раз на меже панских и казённых угодий. Избушка была давняя, порядком обветшавшая, и никто на неё никаких прав не заявлял. Вот в это затерянное среди лесов и болот убогое жилище и забросила судьба странную пожилую женщину.

Впервые люди начали замечать незнакомую старуху в начале лета, когда выходили работать на дальние наделы. Чаще других рассказывали о странной отшельнице пастухи. Они не раз наблюдали, как старуха, не обращая ни на кого внимания, собирала всякие травы, коренья, цветы и прочую растительность.

Но впервые люди заговорили с ней во время второго сенокоса. А случилось так, что один из косцов – совсем ещё мальчишка, впервые вставший в ряд мужиков-косцов, – сильно поранился. Стараясь идти наравне с мужиками, его ещё неокрепшие руки изрядно устали, и при очередном отменташивании* косы парнишка не рассчитал и основательно располосовал себе кисть. Рана оказалась глубокой и сильно кровоточащей. Перепуганные мужики суетились вокруг подростка и советовали остановить кровотечение каждый по-своему. Но лучше дедовского способа, как помочиться на рану и просто её перевязать, никто ничего предложить не мог, да и не знал.

Пока одни толпились возле паренька, а другие в спешке запрягали лошадь, чтобы скорее отправить его в село, никто и не заметил, как среди этой суматохи появилась пришла старуха. Все вдруг притихли и молча уставились на неё.

Не обращая ни на кого внимания, Серафима уверенно направилась к пострадавшему.

Мужики послушно расступались.

Старуха склонилась над пареньком. Взглянув на рану, она перевела свой колючий взор на бледное лицо подростка; тот был до смерти перепуган видом своей разрезанной плоти и облием сочившейся крови. Холодный пот буйными каплями выступил на искажённом, больше от перепуга, чем от боли, лице.

– Не бойся, милоч. Ничего страшного нема. Ты только закрой глаза и не гляди на рану. Всё обойдётся.

Странный взгляд старухи и мягкий, успокаивающий и в то же время уверенный голос возымел своё действие. Хлопец закрыл глаза и, оказавшись в сонном полузабытии, почти сразу же перестал дрожать. Говоря языком докторов, он был для начала мастерски выведен из шокового состояния и погружён в гипнотический транс.

Серафима достала из своей торбы несколько свежесорванных листьев какого-то растения. Растерев в руках, она приложила их к ране и, крепко зажав узловатыми пальцами, начала что-то невнятно бормотать.

Стопившиеся вокруг мужики заворуженно наблюдали за происходящим. Никто даже слова не проронил.

Через некоторое время Серафима разжала руку и осторожно отняла почти почерневшие листья. Кровь из раны уже не сочилась. Одобрительно кивнув, Серафима опять приложила к ране свежие листья. И опять что-то прошептав, повторила те же действия. На этот раз края раны выглядели обветренными и подсохшими, как будто порез случился день-два назад.

– Ну, вот и ладненько, – удовлетворённо сказала старуха и посмотрела на хлопца. – Можешь открыть глаза.

Мальчишка открыл глаза и начал непонимающе оглядываться вокруг.

– А теперь не стыдись, – произнесла старуха. – Как многие тут советовали, так надо и сделать. Помочись на рану – это не помешает, да и засыхающую кровь заодно смыть надо. И не волнуйся, самое страшное уже позади.

Скрипучий, но спокойный голос старухи придал пареньку уверенности, и он окончательно пришёл в себя.

Повернувшись к косцам, Серафима безошибочно остановила взгляд на его батьке.

– Как в миру величают?

– Сашком сына назвали...

– Тебя, говорю, как зовут?

– А, Степан я. Стёпа. Батька хлопчика...

– Вот что, Стёпа... Зря мальчика надрываешь. Ещё рано ему в ряд с мужиками. Ну да ладно, дело твоё. – Старуха глянула на мальчишку. – Вечером и утром рану надо будет перевязать чистой тряпичей и приложить вот это. – Она протянула растерянному Степану ещё несколько широких листьев, похожих на огромные подорожники.

– Благодарствую... благодарствую от души. Уж не знаю, что и было б без твоей помощи, бабка, – смущённо залепетал Степан.

– Э-э-э, человек, это с виду я бабка, а по годкам, поди, лишь чуток старше тебя буду. Так-то вот, – с какой-то одной ей понятной грустью сказала старуха.

Остальные мужики, потрясённые чудотворной остановкой крови, стояли как заворужённые. Никто не шелохнулся, никто не промолвил ни слова. Они во все глаза смотрели на странную бабу. А Серафима в свою очередь, обведя всех пристальным взглядом, будто запоминая каждого, мирно произнесла:

– Ну, мне пора.

Старуха повернулась и пошла. Опомившись, Степан кинулся к своей котомке и, на ходу вынимая снедь, припустил вслед за ней. Собираясь от всего сердца отблагодарить старуху, он всё же не удержался и кусочек сала утаил в котомке.

– Погодь, – окликнул он бабу и протянул ей два яйца и две варёные картошины в мундирах. – На вот... чем богаты.

Из-за кусочка сала глаза Степана виновато заёрзали по сторонам. Прозорливая Серафима обо всём, конечно же, сразу догадалась и уже наперёд знала: с этим прохвостом их дорожки ещё пересекутся.

Мужики, словно очнувшись, тоже быстренько засуетились, и торба Серафимы провисла под тяжестью доброй краюхи хлеба, лука, кусочка сала и другой нехитрой снеди. В общем, мужики щедро поделились взятым с собой на покос обедом.

Довольная старуха кивнула в благодарность.

– Серафимой меня кличут. Можно просто Хима, – представилась наконец она. – Ежели помощь какая понадобится, не откажу. Где живу – знаете. А теперь, бывайте.

Отойдя шагов на пятьдесят, старуха оглянулась. Взгляд её был не из добрых. «И деваться-то некуда, – с досадой подумала она. – Избушку подлатать надобно... и ещё всяких дел невпроворот. Что ж, придётся помогать этому хамью... пока не сыщу подходящего агнца».

Старуха повернулась и неспешно поплелась к лесу.

После этого случая по округе пошла гулять молва о необычайных способностях пришедшей старухи. И ожила тропинка, ведущая к заброшенной охотничьей избушке. Потянулся к Серафиме изумлённый люд со своими хворями да недугами.

Однажды возле избушки Химы даже собралась очередь из болящих, и каждый для целительницы тащил гостинец в благодарность. Одни с надеждой покидали странное лесное пристанище, другие, наоборот, только прибывали и занимали очередь. Вскоре подвезли на подводе дородную молодницу с малым дитём. Тихо спросив, кто последний, молодница уселась ждать. Она с тревогой покачивала на руках плачущего ребёнка.

Ещё не старый, но уж шибко болезненный с виду мужик посмотрел на молодницу с ребёнком:

– Агата сейчас выйдет, так ты сразу и заходи, – сказал он ей. – Грешно не уступить дитёнку.

– Ой, благодарствую, – обрадовалась молодница и подобралась к самому входу в избушку.

Никто не заметил, как среди ожидающих появилась ещё одна страждущая, да вот только на вид она просто цвела здоровьем. Это была совсем молоденькая девица необычайной красоты. Она явно направлялась в избушку, а вместо гостинца несла ворожее всего лишь пук каких-то трав. Все зачарованно уставились на незнакомку и даже забыли одёрнуть её, чтоб не лезла без очереди. И лишь перед самой дверью дорогу девушке преградила молодница с дитём.

– Куда без очереди? – злобно прошипела она. – Тут дитё спасать надобно, а тебе, небось приворот неймётся сотворить. У-у, шельма.

Наглая девица совсем не испугалась и даже, наоборот, с каким-то любопытством посмотрела на дитё, а потом вдруг перевела хмурый взгляд на его мать.

– Живу я здесь, – тихо, почти шёпотом произнесла она.

Сконфуженная молодница открыла было рот, но так ничего и не произнесла, пытаясь, видимо, понять непонятное.

Девушка молча обошла молодницу и на пороге вдруг обернулась.

– Злобы в тебе много, – тихо сказала она молоднице. – Через это и дитё страдает.

Сильно залившись румянцем, молодница тихонько села на место и начала нервно качать на руках ребёнка.

Через некоторое время красавица вышла из избушки уже без трав и снова направилась в лес.

Степан, только что подвёзший сына с перевязанной рукой, спрыгнул с телеги и с нескрываемым любопытством стал смотреть вслед уходящей девушке.

– А чего это девка туда пошла? В деревню ж обратно надо, – ни к кому не обращаясь и всё ещё глядя вслед незнакомке, спросил он.

– Никак Хими́на дочка, – словно огрызнулась молодница. – Ей в деревню не надобно.

– Неужто дочка? Вот те и Хи-има... – изумлённо протянул Степан.

После этой встречи вся округа была несказанно удивлена: Серафима-то живёт в лесу не одна, а с дочкой – редкостной красоты девицей.

Наконец подошла очередь и Степана с сыном.

Прищурившись, Хима бегло осмотрела рану мальчишки, потрогала вокруг пореза заско-рузлым пальцем и довольно кивнула:

– Ну вот, даже не загноилась.

– Это и так видно, – сказал рядом стоящий Степан.

Хима бросила на Степана сердитый взгляд. По воровато бегающим глазкам она сразу догадалась, что в голове батьки вовсе не переживания за сына.

– Ну, – вздохнула старуха, обращаясь к мальчишке, – моя помощь тут уже не потребна. Всё будет добре.

Степан неожиданно бросил тряпицу сыну на руку и повелительно буркнул:

– Иди на двор. Там замотаешь.

Хима не удивилась. Она лишь ухмыльнулась своей догадке.

А Степан уже сел к столу напротив Химы и, конечно же, ухмылку заметил.

– Ничего смешного я не говорил, – обиженно сказал он.

– Так а мне и говорить-то иногда не надо. Я и так всё вижу, – нахмутив брови, проскри-пела Хима, а затем вдруг выдала: – Ну, говори, с чем пожаловал.

Степан смутился, в очередной раз удивившись прозорливости старухи.

– Так ты ж это... – не зная, как начать, промямлил он. – Ты ж говоришь, что сама всё видишь.

– Ну... то, что ты не из-за хлопца третий раз тут – это я сразу распознала. Говори уж, с чем пришёл.

– Тут вот какое дело... – замялся Степан и виновато глянул на Химу. – Бедность дюже одолела. Вот я и хотел...

– Так тебе ж подсобили уже! Со стороны жонки. Это ж я верно вижу?

Ещё сильнее стушевавшись, Степан кивнул опущенной головой, а сам мрачно подумал: «Небось вынюхала у кого-то, что из-за богатства на страхолюдине женился! Вот сейчас и будет насмехаться! Да и какое там богатство – курам на смех. То приданое было и сплыло, а страшилище как было, так и осталось... Даже ещё страшнее стало».

– Ну подсобили трошки... – согласился Степан с видением Химы, – так оно ж это... всё равно... Вот я и подумал... на прибыль там или как... чтоб разбогатеть. Наворожишь?

Наконец-то перейдя к главному, Степан даже почувствовал некоторое облегчение. Хотя главное-то для него было ещё впереди...

– Вона оно что, – качнув головой, задумчиво оттопырила нижнюю губу Хима. – Что ж, я этим частенько занимаюсь. И каждый раз диву даюсь глупости людской: придут ко мне, попросят подсобить, а потом сиднем сидят. Ждут, будто всё готовое им с неба само упадёт. – Хима вдруг подалась через стол и почти в лицо Степану выдохнула: – Надо, мил человек, и самим что-то делать, а тут уж и я подсоблю, чтоб ладом всё вышло.

– Мне про других без интересу слушать. Поможешь?

– Что ж, попробую. Но не сейчас. Время неподходящее. Луна на убыль пошла...

Установилось напряжённое молчание. Хима не сводила со Степана пристального взгляда.

– Ну, так ты скажешь, зачем пришёл али как? – неожиданно спросила она.

Степан вздрогнул. Помедлив в раздумье, он вдруг встал и шагнул на выход. Уже приот-крыв дверь, обернулся.

– И ничего ты не видишь... – произнёс он, решив хоть как уколоть старуху. – Я уже сказал, зачем приходил.

С этими словами Степан решительно вышел. Хима ещё некоторое время сидела неподвижно, глядя на дверь, а затем задумчиво произнесла:

– Да я тебя, соколик, как облупленного вижу. И прибежишь ты с этим всё равно ко мне...

Наконец и поесть могли вволю отшельники, и покосившуюся избушку кто-то в благодарность починил, и крышу подлатали. Нашлись и печники, соорудившие небольшую печку. После таких преобразований жизнь в избушке стала довольно-таки сносной.

Однако такая сносная жизнь была вовсе не по душе девушке, только-только начавшей цветение. Ей до отчаяния не хотелось проводить юность на болоте!

Серафима заверяла дочку, что это ненадолго, надо лишь переждать смутное для них время. Но это же время с каждым днём всё больше и больше искореняло надежду на возвращение к нормальной жизни. Словно воск, эта надежда таяла и слезами исходила, оплакивая лучшую пору, которую девушка проводит в глухомани. Вокруг только лес и уныние, болота и тоска. А сколько ещё рассветов придётся ей встретить здесь в одиночестве и в слезах?

Отчаяние переполняло юную красавицу.

Янинка знала, из-за чего они оказались в этой глуши. Знала и не могла простить. Между ней и матерью всё чаще возникали ссоры и размолвки.

На Янинкины укоры и упрёки Серафима становилась всё более озлобленной и раздражительной. Ох, и крепкую обиду она терпела на дочку свою. «Ни в какую не хочет продолжать дело рода семейного! – мрачно мыслила старуха. – Претит ей, видите ли, колдовское ремесло. Знать, в батьку пошла богобоязненного. А задатки-то колдовские имеет наши. Редкостные задатки. Почитай, получше, чем у меня самой...» Такие мысли о строптивой девке ещё больше добавляли злобы и горечи в душу старухи.

Да, Янинка наотрез отказалась перенимать колдовство! Она знала, что это ремесло ещё никому не принесло ни богатства, ни счастья. И девушке иногда даже казалось, что мать вымещает на ней злобу за свою неудавшуюся жизнь.

Однажды в ссоре на довод дочки, что они живут изгоями в нищете, Серафима согласилась и ответила:

– Ладно, дочка, не будем ссориться. Потерпи малость. Скоро у нас будет всё...

Янинка недоверчиво посмотрела на мать.

– Ты что-то задумала? – с тревогой спросила она.

– Есть одна намётка... Да, у нас злоключений хватает... но этому скоро будет конец... Я это чувствую.

Сдвинув брови, Янинка уставилась на мать, напряжённым молчанием требуя пояснений.

Помедлив, Серафима начала говорить:

– Я, донька, достигла такой высоты в колдовстве, что уже расти некуда без... – старуха на время задумалась, как бы это лучше объяснить. – В общем, мне сейчас надо найти человека, стойкого к колдовству и... одержать над ним верх. Вот это для меня... для нас... сейчас самое важное. Это сейчас моё главное дело жизни... Только вот где ж ты тут найдёшь нужного человека... Пока не чувствую в этих местах такого. Да и в голову совсем другое лезет...

– Ты хочешь сказать, что «одержать верх» – это погубить? – со страхом поинтересовалась Янинка.

– Ну... – пожала плечами Серафима, – это уж как получится. Хотя главное тут не это, не погубить... Сломить дух, взять верх над душой – вот что главное. И тогда моя колдовская сила возрастет во много раз... Вот тогда-то и будет у тебя всё, что пожелаешь.

– Я лишь одного хочу: со счастьем хоть чуточку знаться.

– А давай-ка я по руке тебе гляну, – оживилась вдруг старуха, довольная тем, что ссора иссякла.

Янинка неуверенно протянула руку.

– Кровной родне можно и ошибиться в предсказаниях, – внимательно изучая линии на ладонях, бубнила Серафима, – да и не шибко я мастерица в этом... но всё ж основное можно увидеть.

– Ну и что там видно?

Ещё некоторое время поведив заскорузлым пальцем по дочкиной ладошке, Серафима начала тихо вещать:

– Будет у тебя... то ли счастье, то ли сердечная любовь... Однако, если любовь, то... о-о, кажись, великая любовь, дочка, и... – старуха вдруг нахмурилась и совсем тихо прошептала: – Запретная, донька, любовь...

– Как это запретная? – стыдливо вспыхнула Янинка.

– Ну тут же подробно не указано... – схитрила Серафима, но, помедлив, выдала: – Грешная, во как.

Заметив, что Янинка сильно огорчилась, мать поспешила её успокоить:

– А ещё я вижу рядом с тобой доброго парубка, – скрывая истинные чувства, радостно затараторила Серафима. – Похоже, военный... а может и полицейский. С ружьём будет.

– Охотники тоже с ружьём ходят.

– Ну... может и так... может... и охотник... – голос старухи внезапно начал затихать, и в глазах появился странный блеск. Через мгновение Серафима и вовсе замолчала – дальше уже вязались шальные мысли. А в конце своей догадки старуха и вовсе смогла лишь едва слышно выразить изумление: «Так-так-тааак...»

Глава 7

Серафиму знали уже во всех окрестных сёлах и хуторах. Многие называли её просто Химой. Нельзя сказать, что её шептание всем помогало, но надежду, очевидно, давало основательную. А если человек верит в чудо, то оно может и произойти.

Мало-помалу у Химы начали появляться клиенты и с более деликатными, а иногда и просто с коварными просьбами: одни желали, чтоб худоба* велась, другие – милого присушить иль у соперницы отбить. А третьим и вовсе было невтерпёж навести порчу на ненавистных или зажиточных соседей. Последняя просьба обычно вызывалась двумя-тремя причинами: ссоры, злоба и главная – зависть. Некоторые люди готовы на многое пойти из-за этой самой зависти. Готовы пожертвовать и своим здоровьем, и всем самым дорогим лишь бы не видеть радость и счастье у других, лишь бы куму, свату или брату было хуже, чем им самим.

Хотя и скрытно обращались к старухе с такими просьбами, но от людского глаза не ускользнуло, что Хима исполняет их с явным удовольствием. И чем ужасней заказ, тем охотнее она бралась за него. Это многих напугало и оттолкнуло от старухи, а некоторые, нелюдимые и вечно чем-то недовольные, наоборот, зачастили к избушке.

А ещё люди заметили, что дочка Серафимы ни под каким предлогом не соглашалась помогать матери в её ремесле. На все просьбы сделать какое-либо колдовское снадобье или что-то приготовить к ритуалу, девушка отвечала, что не хочет брать грех на душу и вообще старалась поскорее покинуть избушку при появлении подозрительных клиентов.

Отношения матери и дочки были натянутыми и непонятными. Это открытие озадачивало любопытных посетителей и порождало различные толки.

Да, если бы Серафима была просто знахаркой или, на худой конец, хотя бы удачливой бабкой-шептухой, всё было бы доступно крестьянскому пониманию. К таким люди относились не то чтобы дружелюбно, а даже с некоторым почтением. В отношении Химы сначала тоже было так, но вскоре всё стало по-другому – её начали побаиваться. От старухи начало веять бедой...

Но даже страх глаза и рты всем не закроет. Всё подмечалось, и всё чаще в бабских беседах и пересудах проскальзывала мысль, что старая Хима наверняка крепко знает с дьяволом, поэтому и в разговорах всё чаще звучало слово «ведьма».

А тут участились странные случаи и в самих Черемшицах, и на окрестных хуторах: то внезапно без всяких причин сляжет совершенно здоровый человек, то у чьей-то коровы пропадёт вдруг молоко или куры перестанут нестись, то у некоторых крепких семьях сплошной разлад на пустом месте выходит. Естественно, все подозрения сразу падали на Химу, все злобные экивоки были в её сторону.

Всякие неприятные случаи, конечно, и раньше бывали, до появления Химы, но тогда мало обращали на них внимания, да и сваливать вину на кого-то одного не выходило.

Вскоре в ропоте селян уже проскакивали явные угрозы пустить «красного петуха» в лесной избушке. Но дальше слов никто ни на что не решался. Пришлую старуху теперь уже открыто боялись.

Вот с этой старухой, на свою беду, и пришлось два раза столкнуться панскому приказчику. Первый раз Петро встретился с Серафимой летом. Он это очень хорошо помнил...

Однажды, спеша на поле, где шла уборка жита, он в скверном настроении скакал на лошади по лесной дороге. На повороте Петро внезапно чуть не наскочил на неизвестно откуда появившуюся старуху. От неожиданности конь поднялся на дыбы, и приказчик еле удержался в седле. Петро был взбешён: то нагоняй от пана получил, то дополнительно работы навалили на его плечи, а тут ещё и эта чёртова шептуха под ногами мешается.

– Ты что, карга старая, посторониться не можешь?! Или тебе кнут по спине давно не гулял! А ну, прочь с дороги! – со злостью заорал тогда приказчик.

– Не гневайся на старую, соколик. Нерасторопная стала. Не заметила, – сама растерявшись вначале, виновато произнесла Хима. – Но и ты ж, милоч, гляди куда скачешь. Не ровен час расшибёшься, – уже более невозмутимо закончила она.

Спокойный тон старухи и особенно последние её слова окончательно вывели Петра из себя. Вскипевшая злость неукротимо рвалась выплеснуться.

– Ах ты, ведьма! Ты ещё поучать меня будешь?! – приказчик направил коня на Серафиму и замахнулся нагайкой. И лишь в последний момент он опомнился и опустил занесённую руку.

Ни на шаг не сдвинувшись с места, старуха замерла. Она в упор смотрела на всадника. Морщинистое лицо сильно побледнело, а зрачки её расширились до такой степени, что глаза казались просто чёрными. Она молчала и не сводила колючего взгляда с панского приказчика. Петру стало немного не по себе, и он, ещё раз зло выругавшись, буркнул в адрес Химы:

– Ладно, бесовское отродье, недосуг мне теперь возиться тут. Но я ещё с тобой разберусь.

Стегнув коня, он с места пустил его в галоп. Отъехавшему шагов на сорок Петру неумолимо захотелось вдруг оглянуться. Он поддался необъяснимому желанию и повернул голову. Ничего сверхъестественного приказчик не увидел. Старуха по-прежнему стояла на том же месте и всё ещё провожала его своим странным чёрным взглядом.

Гарцуя на коне, всадник не мог рассмотреть с такого расстояния, что губы старухи шевелились. Со стороны казалось, будто она кому-то что-то быстро рассказывала. Но рядом с ней никого не было и слов не разобрать. Она просто что-то бормотала...

Второй раз Петро встретился с Химой через несколько недель после случая на лесной дороге. Это уже была даже не встреча, а самая настоящая стычка.

В сентябре, когда селяне уже заканчивали убирать с панских грядок картофель, Петро поехал проверить, как идёт работа.

И вот невдалеке от копающих картошку баб приказчик вдруг заметил Химу. Она стояла на краю поля и о чём-то разговаривала с мужичком, державшим под уздцы пегую лошадку, запряжённую в крепкую телегу. На этой телеге отвозили картошку на панский двор.

В руках Хима держала ладный по размеру узелок, через льняное полотно которого явно выпирали округлые бока довольно крупной картошки.

Петро решительно направился к старухе. Он отлично знал, кто она такая, но никакого трепета и тем более страха перед ней не испытывал.

В прошлый раз приказчик не стал связываться со старухой. Он тогда спешил, и ему некогда было показать этой ведьме, кто здесь главный. Но, вспомнив тот случай, он решил, что придётся именно здесь и сейчас проучить её. И в назидание другим, и за растаскивание хозяйского добра, и вообще, пора поставить эту старуху на место. Благо повод есть, а заодно и люди пусть будут свидетелями того, что Петро Логинов не лыком шит, и коленки у него не дрожат перед какой-то прибившейся старухой.

По-молодецки осадив на скаку коня возле Химы и мужичка, всадник бросил пристальный взгляд на узелок.

– Так-так, ведьма старая, уже и картошку панскую крадёшь, добро хозяйское тянешь. Сама украла иль кто помог? – громко говорил Петро, и нотки его голоса угрожающе дрожали в каждом слове. Даже в облике приказчика сквозило явное злорадство, мол, попалась чертовка! Теперь-то он отыграется за всё. Вспыльчивый нрав Петра начинал стремительно набирать обороты.

– Я кого спрашиваю? Или, может, глухой тут уже прикидываешься?! Украла картошку?! – выкрикнул он.

– Не глухая... и не крала я ничего, – как всегда, без страха, но тоже со злостью прошипела Серафима.

– Так ты ещё и хлусить мне вздумала, чёртово отродье! – закричал Петро и грозно глянул на перепуганного мужичка. – А ты чего трясешься?! Небось вместе картошку крали?!

– Дык я, ета... Я ж не крав... Я ж, ета... приехав тольки, – заикался мужичок, и от переполоха у него нервно вздрагивала включенная, как деркач*, борода.

– Не виноват он ни в чём. Не лай зря на человека, – спокойно вступилась Хима.

Хотя старуху и разбирала злоба, но на рожон ей не очень-то и хотелось сейчас нарываться. Людей вокруг много. Да и панский приказчик всё-таки... не простой холоп. Но уж больно дерзок и нахрапист!

– Это кто ж лает?! Так ты меня ещё и собакой обзываешь! Ах ты, сука! На тебе! – с этими словами Петро несколько раз со всей яростью стегнул Химу плетью.

От внезапной обжигающей боли старуха непроизвольно вскрикнула и прикрыла голову руками. Узелок упал на землю и из него покатались... яблоки.

Петро оторопело уставился на них, понимая, что сильно опростоволосился.

Мужичок и вовсе перетрухнул, быстро сообразив, что стал невольным участником разыгравшейся стычки. В таких случаях у людей часто появляются опасения, что они могут ненароком попасть в чужие жернова ненависти.

Крестьяне, бросив работать, с ужасом наблюдали за происходящим. Все понимали, что здесь, на их глазах, сошлись кремень и кресало, и каждый тоже опасался, чтоб искры этой стычки не обожгли и их самих. А то, что кому-то из двух сторон несдобровать, сомнений ни у кого не вызывало. Это уж точно!

Петро немного оправился от конфуза. Ну, получила баба плетью не за дело – ну и что тут такого?! Напустив на себя строгости, приказчик решил угрозами приуменьшить значимость своей промашки.

– А теперь, ведьма, слушай меня внимательно, – гарцуя вокруг Химы, угрожающе процедил он. – Даю тебе три дня – и чтоб духу твоего в наших краях не было. Убирайся туда, откуда пришла. И сучку свою не забудь. Нечего всякой нечисти нашу землю топтать!

Серафиме деваться было некуда. Она и так вдоволь наскиталась по чужим углам. Вот и сейчас, не успела обжиться – уже кому-то поперёк дороги встала. Ну уж нет! Если кому-то она

и встала на дороге, пусть обойдёт! А такое, что вытворил сейчас этот приказчик-скотина, она просто не в силах простить.

В глазах Химы ярость била уже через край. Она осторожно провела пальцами по запястью, где ярко расцвёл красный вздувшийся след от плети. Затем медленно подняла глаза на дрожащего мужичка – тот и вовсе вытянулся от страха.

– Ступай, – тихо и даже как-то миролюбиво произнесла Хима, но, помедлив, уже строго добавила: – Нечего тебе здесь делать. Уходи скорее.

Мужичка как ветром сдуло.

Странный чёрный взгляд упёрся в Петра. Только на этот раз в расширенных зрачках старухи сквозил расчётливый холод мести.

– Что ж, теперь и ты послушай меня... – казалось, очень уж спокойно и как-то вкрадчиво говорила старуха. – Земелька-то наша хоть и не мала, да теперь нам с тобой будет тесно вместе ходить по ней. Придётся кому-то оставить её, земельку-то грешную... Ох, и зря ж ты поднял руку на старуху немощную. Каяться будешь сильно, да поздно будет... – старуха говорила, и в её тихом голосе звучала зловещая угроза.

Серафима невероятным усилием воли сдерживала в себе бушующий ураган ярости. Она успокаивала себя мыслью, что всю эту ярость выплеснет потом, чуть позже и по-другому.

– А пока благодарствую за угощеньице, – продолжала Хима и опять потрогала покрасневший след от кнута. Зыркнув на Петра взглядом, полным ненависти, она выдала свой приговор:

– Как говорится, долг платежом красен. Вот и за мной теперь должок. Страшный должок... И ты сполна его получишь. Так-то вот, голубь ты мой сизый...

Сильно сопя, старуха нагнулась, подняла узелок и медленно потянулась к лесу.

Выпавшие яблоки так и остались лежать на земле.

Петро заморожено смотрел на них и искренне сожалел, что переборщил со старухой. Дров он наломал кучу непомерную, и ему вдруг стало страшно до жути. А вместе со страхом подтянулась и дрожь – Петра начало колотить.

Сделав несколько шагов, Хима вдруг оглянулась. Заметив дрожь приказчика, она презрительно ухмыльнулась.

– Твоё счастье, что ты мне для дела не подходишь...

«И что там у тебя за такое дело?!» – тут же проскочила мысль у Петра.

– Так что не колотись – до Рождества дотянешь... – словно похоронный звон, прозвучали последние слова ведьмы.

Старуха ушла, а к потрясённому приказчику противный холодок забрался под самое сердце. Хотя Петро и не особо верил во все эти проклятия да заклятия, но мало ли чего на свете не бывает! Но не просить же теперь прощения у этой карги, да ещё и прилюдно! «А-а, авось пронесёт...» – с отчаянием и надеждой подумал Петро.

Два этих события произошли летом и в начале осени. И вот сейчас, в канун Рождества, сидя за столом с баламутом Лявоном, Петро понуро вспоминал о тех роковых случаях и сожалел, что так вышло. Сильно сожалел... «Авось пронесёт» – не пронесло. Теперь он окончательно уверовал в причастность старухи Химы к ночному визиту покойного Сыча.

– Скажи, Лявон, а управа какая есть на проделки ведьмы... ну, или хотя бы оберег какой или что-нибудь такое? – упавшим голосом спросил Петро.

Он и сам прекрасно знал из народных поверий, чем и как можно защититься и от злых духов, и от чёрта, и от ведьмы, и от прочей такой нечисти. В народе веками накапливались такие знания и наблюдения, сохраняемые не только в сказаниях и пересказах, но даже и в церковных писаниях. Раньше это всё было для Петра какое-то далёкое, сказочное, не касавшееся его лично. А тут вдруг на тебе – коснулось! Да ещё как!

И Петру сейчас хотелось услышать что-нибудь дельное, что можно было бы тут же и применить. На худой конец, он нуждался хотя бы в поддержке веры в себя. Ему хотелось, чтобы

кто-нибудь зажёт в нём огонёк надежды, что не так уж всё плохо и можно избавиться от грызущих заживо тревог. А рядом был лишь только неунывающий балагур Лявон, которого и все-рьёз-то никто в округе не воспринимал.

Но у балагура Лявона голова работала исправно. Если бы дед не дружил с ней, то вряд ли бы смог так ловко выкручиваться из многочисленных переделок, в которые постоянно попадал. Хотя насчёт этого получается палка о двух концах. А чего ж тогда попадал в такие казусы, если с головой дружбу вёл? А от матушки природы! Талант, так сказать, и на переделки, и на их расхлебывание.

Дед Лявон не стал томить собеседника долгими соображениями на заданный вопрос об управе на ведьму. Не раздумывая, он с ходу утвердительно ответил, прикидывая в уме дальнейшее развитие затронутой темы.

– Ну а як же ж! На сук покрепче завсегда найдётся и топор поострее. Я так кумекаю: ежели есть люди, способные зрабить заклятие, то должны быть и такие люди, якие могут эдакое заклятие снять. Или я штось не так разумею, а?

То, о чем поведал старик, Петру и самому было известно. Он уже немало об этом думал.

– Так, так, Лявон, твоя правда. Всё ты верно разумеешь, – согласился приказчик и подвинул ближе к деду миску с грибами. – Да ты закусывай, дед, не соромейся.

– Ага, закусываю. Отменные грузди. Сам, мабудь, засаливал?

– Сам.

– В самый раз для таких гостей, як я.

– Это отчего ж? – не понял Петро.

– А оттого, што к етым грибкам да яще б зубы – ото объеденье было б, – сказав это, старик хитро зыркнул на Петра.

Если Лявон когда-нибудь и помрёт, то явно не от скромности. Захмелев от выпитой горелки, он уже в открытую дал понять хозяевам, что хрустящие солёные грузди ему не по зубам, а вот более нежные белые грибки иль маслята – как раз подойдут.

– Марыль, выбери там белых, чтоб деду по зубам пришлись, – сказал приказчик старшей дочке.

– Это из той большой дежи, что в самом углу клетки стоит? – уточнила Марылька, уже держа в руке деревянную миску.

– Не. Набери из той, что поменьше, отборных.

– Кузьмич, не утруждай дочку. Я уж як-нибудь и с груздём управлюсь, – вслух воспротивился Лявон, а в мыслях решение приказчика одобрил полностью.

– Ладно, дед, не переживай за девку, с неё не убудет. Да и я не забеднею. А вот тебе спасибо.

– А мне-то за што?

Петро призадумался и как-то неопределённо ответил:

– Да просто... за то, что поговорил вот со мной. Вечер долгий скрасил...

Лявон лишь пожал плечами.

– Ну, дед, давай на посошок выпьем. Да и за наступающий праздник – тоже. А Марфа сейчас тебе ещё и гостинец соберёт... к Рождеству. Ну, будь здоров, дед, и ещё раз спасибо тебе, – сказал приказчик и с какой-то безысходностью лихо опрокинул чарку.

Раз выпала на долю Лявона такая удача, то надо её сполна и хватать. Не дожидаясь повторного приглашения, дед тут же, следом за Петром, тоже осушил свою чарку. Видя, что застолье подходит к концу, он усердно налёг на закусь. Блины, мёд, грибы были сейчас вкуснее вдвойне, потому как подходил момент расставания с этими яствами. Старик так хватал еду, словно до этого и не видел её на столе.

Глядя с какой жадностью Лявон напоследок уплетает закуску, Петро всё понял и опять повторил жонке:

– Марфа, собери там деду с собой что-нибудь. Да не жалея, пусть дед Лявон на Рождество и о нас доброй думкой помянет.

Замер Лявон, жевать перестал, хотя рот и был забит едой. Понял свою оплошность старик. И впервые ему стало неловко за себя, за то, что не смог сдержаться.

– Ешь, дед Лявон, ешь. Я же от всего сердца, – грустно, но как-то по-свойски сказал Петро.

И задумался тут старик. Крепко задумался! Ну, вот как не поверить в чудеса! Лявон и так на седьмом небе пребывал от свалившейся на него удачи побывать в гостях у самого приказчика, а тут ещё и Марфа суетится – к Рождеству гостинец назревает. Нет, с Лявоном такого фарта давным-давно не случалось. А тем более сейчас, в стариковском возрасте, когда до него никому, кроме старухи Гарпины, и дела-то нет. Да и вообще никто не знал, что у старика происходит в душе, когда он остаётся один.

Все воспринимали весельчака Лявона таким, каким видели. Никому и в голову не могло прийти, что старик, часто сидя в уединении, с тоскливой грустью мысленно перебирал свою «развесёлую» и не сложившуюся судьбину.

Не послал бог ему детей, а значит, и внуков. Не нажил он и добра никакого, да и непонятно с кем наживать-то было. Первая жена рано умерла, со второй недолго продержался в примах – распутная баба попалась. Вернулся с подрядных работ, послушал людей, да и не пошёл к ней: занято оказалось его место в тот день. А теперь вот под старость сошлись с Гарпиной – такой же одинокой и горемычной бабой, – да так уж и будет им на роду доживать свой век вдвоём тихо и без ропота, с трудом перебиваясь с крапивы на студёную водицу.

И подкатит иногда горький комок от таких думок, вздохнуть не даёт старику. И такая же горькая тоска покроет влажной печалью выпцветшие глаза. Смахнёт деревенский весельчак наворачнувшуюся скупую стариковскую слезу, да ещё и воровато по сторонам глянет: не заметил бы кто. Негоже жизнерадостному весельчаку Лявону плакать да на судьбину грех держать. Что ж, пусть все думают, что жизнь у него ...

– Очнись, Лявон! Горелка разморила, что ли? – спросил Петро, удивившись странному выражению на лице старика.

– Дане. Ета я так ... Задумався.

– На вот, дед, возьми. Это тебе к Рождеству. Кошик* после праздника вернёшь, – сказала подошедшая жонка Петра. Она держала в вытянутой руке корзинку с продуктами и грустно улыбалась.

– Э-э-э, дед, а глаза-то чего на мокром месте? – удивился Петро и вдруг понял: задело старика за душу уделённое ему внимание. Не то внимание, когда подшучивают над ним да смеются вокруг. Взяло за живое, до слёз проняло простое человеческое участие. Ведь он никто для семьи приказчика. Нищий односельчанин! Всё! А надо ж вот...

Растроганный старик уже не стыдился застрявших на ресницах и на щеках росистых капель. И что-то выдумывать сейчас он был не способен. Ему домой скорее надо, Гарпине гостинец отнести, обрадовать на праздник бабу.

Петро и Марфа встали, чтобы проводить гостя. Держа в дрожащих руках корзинку, Лявон остановился у порога.

– Благодарствую за гостинец. Век не забуду, – взволнованно сказал он и, грустно посмотрев на хозяина, добавил: – А тебе, Петро... к знахарю надобно.

Старик назвал приказчика просто, по имени, без отчества. Так более доверительно и ближе. Он молча, с сочувствием, смотрел Петру в глаза и тихо продолжил:

– Я не слепой ведь. Вижу: беда с тобой приключилась. Не тяни долго. Хорошего знахаря ищи... Сильного.

– Так, дед. Спасибо тебе за всё, – грустно прозвучал голос Петра.

Лявон снова недоуменно пожал плечами и, попрощавшись с Марфой и Марылей, вышел на улицу. Приказчик тоже вышел следом. При расставании дед, ещё раз задержав взгляд на Петре и легонько дотронувшись до его плеча, сочувственно произнёс:

– Удачи тебе, Кузьмич... И нехай Бог поможет тебе ...

Немало поездил приказчик пана Хилькевича по Полесскому краю в поисках маститых знахарей. Многие брались ему помочь, но никому не удавалось снять проклятие ведьмы. Все они говорили, что на большой злобе приделано и очень сильно. И не знали они, кто мог бы помочь Петру. Беспомощно разводя руками, лишь в одном едины были: молиться надо и на божье милосердие уповать.

Петро вначале ещё надеялся избавиться от проклятия, денно и нощно молился, просил у Бога защиты, не забывая, однако, поминать лихом Серафиму. Если бы он только знал всю правду о насланной на него беде! Даже кошмарный сон не преподнёс бы ему более изощрённой правды. Если когда-то и суждено Петру отдать богу душу, то уж лучше пусть уйдёт в мир иной в неведении...

Совсем стал седой Петро Логинов. Осунулся, исхудал неимоверно, силушку свою потерял без времени и взор уж затуманено смотрел из впавших глаз. Вроде ничего и не болело, но слабость до дрожи в ногах и руках одолевала его, безразличие ко всему появилось. А в последнее время стал приказчик в синюю даль часто всматриваться. В невидящем взгляде манящая искорка появлялась. К себе звала эта даль, за горизонт небесный...

Похоронили Петра Кузьмича Логинова перед самой Масленицей. Всё село провожало панского приказчика в последний и неизведанный путь. Сказать, что люди любили или жалели Петра, поэтому всем селом, многочисленными кучками, стояли на кладбище – нет. Так уж повелось в сельской местности, что похороны были для людей своеобразным зрелищем. А если хоронили почитаемого или известного на селе человека, да ещё безвременно умершего и при загадочных обстоятельствах, то уж тут всякому непременно хотелось не пропустить такое чёрное событие.

Среди селян, собравшихся на похороны, то тут, то там шёпотом произносилось имя старухи-ведьмы. А в том, что она чёрная ведьма и что именно она свела в могилу Петра Кузьмича, ни у кого сомнений уже не оставалось. Было лишь многократно возросшее чувство страха и ужаса перед этим чудовищем.

Мужики, соблюдая неписаный закон жития не говорить о покойниках худо, тихо судачили о том, каков будет новый приказчик. К Петру принаровились. Хоть и вспылчив да горяч был, но всё по делу. А дело своё он знал. А вот как будут жить крепостные с новым приказчиком – ещё погадать надобно.

Глядя на заливающуюся слезами Марылю, бабы не могли удержаться и как по команде начинали дружно скулить и голосить. Сама же Марфа уже не голосила по мужу. Она до этого выплакала все слёзы и душу. В нервном онемении Марфа лишь покачивалась над гробом, пугая всех своим отрешённым видом. Здоровье её и без того незавидное окончательно подкосила кончина Петра.

Односельчане искренне жалели Марфу и особенно Марылю. В пору семнадцатой весны на её девичьи плечи свалилась непосильная ноша поднять младших детей. На ослабевшую мать надежды совсем мало. Теперь ей, стройной и красивой девушке, придётся вместо мечтаний о трепетной любви, думать тяжкую думать о хлебе насущном.

После поминок девушка долго стояла у порога своей хаты. Слёзы текли по щекам. На сердце противно скребли кошки, а в душе было мерзко и пусто. Чувство вины за участь отца не давало Марыле покоя. Ей казалось, что если бы она постаралась, если бы собрала всю силу воли и если бы предприняла хоть что-то, то, наверное, смогла бы спасти отца! Что ж, теперь уже поздно! Наверное, судьбе-злодейке так было угодно...

Марыля до конца ещё даже и не представляла, что будет дальше и как она сможет справиться с выпавшими на её долю испытаниями. Сейчас она не просто стояла у порога своей хаты, она стояла у порога другой жизни. Если бы можно было повернуть время вспять! Если бы можно... Но ничего изменить уже нельзя! И дороги назад уже нет!

А какие сомнения терзали несчастную девушку, было ведомо одной лишь ей...

Глава 8

До рассвета оставалось совсем немного времени. Небо из черно-звездного постепенно становилось темно-серым. Всё вокруг тоже прояснялось в темно-серых тонах. Лишь кое-где нарастающий снег выделялся светлыми островками среди лесного сумрака.

Прохор осторожно пробирался к глухарину токовищу.

Сегодня он как обычно должен был сопровождать пана Войховского на глухариную охоту, но ещё с вечера Егору Спиридоновичу что-то нездоровилось, и он остался дома. Хотя Прохор и сожалел по поводу незначительного недомогания Егора Спиридоновича, но в то же время он втайне был рад такому повороту. Ведь теперь ему представилась возможность самостоятельно попытаться охотничьего счастья.

Ещё после первой удачной охоты, весьма довольный добытым трофеем пан Войховский, не скупясь, учил Прохора тонкостям скрадывания глухаря, делился секретами этого редкого промысла. Так, он поведал ему, что глухариная песня делится на две части. Сначала раздаются несмелые щелчки и «тэканья», при которых птица часто замолкает и прислушивается. Затем эти щелчки раздаются быстрее и смелее. Постепенно глухарь входит в песенный азарт, но охотнику двигаться на этой песне ещё ни в коем случае нельзя – это первый такт.

И лишь когда упоенный пением бородач переходит ко второй части своего сольного выступления, вот тут-то надо быть начеку. Как только начинается своеобразное точение или, как говорят полешуки, «косовица», только тогда-то и глохнет на время глухарь. А называют эту часть песни косовицей, потому что уж очень звуки похожи на те, что раздаются на сенокосах.

Именно за это время есть шанс приблизиться к птице на несколько шагов. Не рассчитал на мгновение – и всё насмарку!

Вот уже и облюбованное глухарями место для состязаний. Обычно это лесные опушки, моховые болота, пролески или другие места, где есть немного простора на земле и стоят деревья-вышки, откуда можно оглядывать округу и на далёкое расстояние бросить вызов соперникам.

Дальше Прохор начал продвигаться с особой осторожностью. Он уже с вечера точно знал, что сегодня ток будет именно в этом месте, поэтому и пути скрадывания просмотрел заранее.

И вот в сером мраке раздались первые осторожные такты и щелчки глухариной песни. Заслышав их, охотничий азарт вытеснил из сознания Прохора все остальные чувства. Человек превратился в комок сосредоточенности и собранности. Движения молодого охотника стали мягкими и осторожными, как у рыси.

Набирая силу и уверенность, неслась навстречу заре хвалебная ода пробуждающейся жизни.

Пройдя ещё немного, Прохор замер. Дальше надо подходить только под глухариную косовицу. Улучив в пении птицы нужное коленце, охотник быстро сделал несколько шагов и замер. Буквально через мгновение кошение оборвалось. Токующий петух, придя в себя от песенного упоения, замер, внимательно вслушиваясь в серый сумрак. Не уловив ничего подозрительного, он с ещё большим азартом начал опять токовать. Одиночные щелчки сменялись непрерывным тэканьем. Первые звуки «киш-шив» – и Прохор опять делает бросок вперёд.

Вот уже на фоне светлеющего неба показалась и верхушка нужной полусохшей сосны. Токующий глухарь находился там, но птицу пока не разглядеть. Расстояние до дерева позволяло сделать прицельный выстрел – подходить ближе охотник не рискнул.

На далёком горизонте занималась утренняя заря. Медленно и величаво поднимался над весенней землёй огромный багряный диск. Всё живое радовалось утреннему солнцу, весеннему солнцу – символу новой жизни и любви.

Счастливая птица в упоении пела теперь уже почти без перерывов. Где-то здесь, рядом, находилась та, ради которой звучала эта песня, ради которой этот гордый косач готов был грудью биться с соперниками. Возбуждённый глухарь уже не мог сидеть на месте. Спустившись пониже, он в нетерпении расхаживал по толстой ветви, высоко вытянув шею и распутив веером хвост.

Восторгу птицы не было предела. Краснобровый красавец безумно радовался миру, своей избранной самочке, радовался своей гортанной песне. В этот момент он чувствовал в себе огромную жизненную силу и уже готов был дать бой любому, кто осмелится принять его вызов. Но откуда было знать этой гордой птице, что вызов её давно уже принят. Принят... человеком!

В самый разгар токования глухарю не суждено было услышать выстрел. Не суждено было до конца допеть свою оду любви. Смертоносный свинец оборвал глухариную песню на самой счастливой и ликующей ноте.

Непонятная и невыносимая боль резанула сердце благородной птицы. И если б могла она закричать голосом разума, то пусть бы услышал весь мир: «Как же так?! Почему?!» Но мир остался безучастным и равнодушным к непоправимой беде прекрасной птицы.

С громким шумом разлетелись остальные глухари. Возможно, уже на завтрашней заре самочки-глухарки будут слушать другую песню, забыв о сегодняшней, прерванной...

Проход стоял над распростёртой птицей. Вместо потухшей искры божьей в застывших глазах глухаря отражался кровавый рассвет, принёсший ему такую печальную участь.

Но жизнь продолжалась! Солнце вставало, дарило свет и тепло всему живому. Мир пробуждался и радовался весне. Вот только для смертельно раненой птицы не нашлось больше места в этом огромном мире...

Глядя на добытый трофей, человеку вдруг стало грустно от мысли, что уже никто и никогда не увидит и не услышит это чудо природы. Проход уже начал было даже немного сожалеть о своём метком выстреле. Но... что сделано, то сделано.

Путь в деревню неблизкий, но Проходу всегда нравилось возвращаться домой длинными вёрстами. В эти часы он любил предаваться воспоминаниям и мечтам. Все сожаления по поводу добытого глухаря вскоре развеялись и уступили место воспоминаниям недалёкого прошлого.

Перед глазами Прохода в который уж раз вставали события злополучной охоты на медведя. Он помнил всё до мельчайших подробностей. Не мог забыть. Да и как забудешь, когда тебя без вины – плетью! Проход хоть и был холопского происхождения, но чувство собственного достоинства у него было не на последнем месте. Несправедливость и унижение всегда сильно ранили ему душу. Так и тогда... Сгоряча не разобрались, обиду крепкую причинили...

Правда, не прошло и недели после того случая с медведем, как пан Войховский вызвал к себе Прохода и, ничего толком не сказав и не объяснив, вернул ему ружьё. А Проход и не лез с расспросами. Раз вернули – значит, так надо. Хорошо, что хоть больше ничем не аукнулась та история. Что ж, и на том спасибо...

Вот уж и панский фольварк* виден. Но молодой охотник решил сначала зайти домой и похвалиться великолепным трофеем.

В крестьянской хате с интересом разглядывали большую птицу. Младшие дети расправляли глухарю крылья и в восторге выкрикивали: «Ого!» Осторожно потрогав пальчиком крас-

ные брови или взъерошенную бороду петуха, резко отдёргивали руку и, дурачась, визжали, словно неподвижная птица могла их клюнуть.

– А где батька? – спросил Прохор у матери. Ему непременно хотелось, чтобы он оценил добычу.

– Так батька к пану пошёл. Войховский вызвал. Но мы что-то так и не поняли...

– Что не поняли?

– Так, кажись, как тебе надобно было к пану явиться. Тебя не было... Ну, вот батька и пошёл узнать...

– А-а-а, пустое, – махнул рукой Прохор. – Егору Спиридонычу не терпится узнать, с чем я с охоты возвратился. Вот расстроится панское самолюбие! Ну да ладно, мне всё равно туда надо. Там и батьку увижу.

У самого панского дома Прохор встретил отца.

– Чего Войховский вызывал? – сразу поинтересовался он.

– Так чёрт его знает... Он мне толком ничего и не сказал. Но я одно понял: тебе надобно куда-то то ли ехать, то ли идти...

Гришак говорил с нескрываемым волнением. Видно было, что он что-то не договаривает.

– Так, батя, давай рассказывай как есть. Что стряслось?

– Предчувствие у меня дурное... – сказал Гришак и виновато глянул сыну в глаза.

– Говори, не тяни.

– Опасения меня одолевают, Проша. Боюсь, что надумал Егор Спиридонович продать тебя. Ступай сам к нему. Там всё и прояснится.

– Ладно, пошёл я, – насупившись, сказал Прохор и направился к дому пана Войховского.

– С богом, сынок. А! постой...

– Ну? – обернулся Прохор.

– Как поохотился-то? – казалось, без особого интереса спросил батька.

– Добре, – буркнул в ответ сын и поправил на плече увесистую торбу. – Одной глухариной песней в лесу меньше стало. Зато на панской кухне смажениной* будет смачно пахнуть.

В голосе Прохора к ноткам сожаления прибавилась и какая-то злость.

Сильно взволнованный он вошёл на панский двор.

Возле дома, у самого крыльца, его уже ждал Егор Спиридонович. Он рассеянно выслушивал какие-то объяснения конюха и бросал короткие, но пристальные взгляды на приближающегося Прохора.

– А-а-а! Прохорка! Давай проходи. Ну, рассказывай, как сегодня удалась охота? Есть чем похвалиться? – обрадовано воскликнул пан Войховский, но слишком уж наигранной была его весёлость.

Прохор молча скинул с плеча котомку и вынул оттуда свой трофей. Егор Спиридонович восторженно поцокал, но долго разглядывать глухаря не стал.

– Отнеси Маланье. Отличное жаркое выйдет. Молодец, – небрежно похвалил пан охотника и, замаявшись, добавил: – А сам ко мне потом подымись. Известить тебя надобно кое о чём...

Глава 9

Прохор робко постучался в дверь.

– Заходи, заходи, – послышалось в ответ.

Зайдя в просторную залу, хлопец остановился у дверей и нервно переминался с ноги на ногу. Его насупленный взгляд вопрошающе буравил спину Егора Спиридоновича. А тот молчал, стоя у окна и как будто что-то там разглядывая. Наконец раздался его серьёзный голос:

– Прохор, я думаю, ты помнишь пана Хилькевича.

– А чего ж не помнить? Помню, – ответил Прохор, и сердце его бешено заколотилось. Вот и начала аукаться та история. Самое страшное предположение Прохора, похоже, может сбыться.

Егор Спиридонович повернулся к Прохору и без всяких отвлечённых речей прямо сказал:

– Вчера письмо от него получил... с просьбой. В общем... будешь теперь, Прохорка, служить другому пану. Семён Игнатьевич изволил иметь тебя у себя на службе. Вот так-с, голубчик. Но ты не расстраивайся... не так уж всё и плохо.

Ошеломлённый Прохор не мог и слова вымолвить.

Видя, какое воздействие на хлопца произвела новость, пан Войховский уже мягче проронил:

– Вчера ещё сказать тебе хотел, да подумал, что не до охоты утром будет. И дома-то сам остался, чтоб предоставить тебе возможность напоследок отвести душу...

– Егор Спиридонович, как же так? Я ведь вам верой и правдой... – начал было проситься Прохор.

– Всё уже решено. Не рви напрасно сердце. Ничего изменить уже нельзя, – непоколебимый тон пана Войховского сразу превратил пыл надежды в горечь безысходности.

И парень вдруг ясно понял, что, попав в руки пана Хилькевича, будет там самым опальным, а посему и самым последним холопом. Таких ожидает незавидная участь. Вся самая тяжёлая и грязная работа не минет его рук. Хотя Прохор работы и не боялся, но при одной мысли, что не ходить ему больше по лесу, приводило его в ещё большее отчаяние.

– Что ж, теперь всё понятно, – обречённо сказал он. – Пану Хилькевичу намного удобнее держать виновного под рукой. Скверно на душе – а вот и я! Получи недарека плетей не за дело! Авось на душе и полегчает. Премного благодарствую, Егор Спиридонович! Я...

– Дурак, – просто и без эмоций Егор Спиридонович прервал бедственную речь крепостного, но тут же, подойдя вплотную к Прохору, вдруг грозно прорычал: – Кто ты такой, чтоб указывать мне, как поступать? А?! Вот то-то, лучше уж помалкивай – тебе же польза будет.

Прохор никак не ожидал от пана Войховского такого отношения. Конечно, они были птицами несоизмеримых полётов, но ведь сколько времени проводили вместе на охоте. И всякое бывало. В мороз и в дождь, в лесу и на болоте они оба знали, что, случись беда, помогут друг другу. А тут вот на тебе! Ага, помог пан холопу!

Прохора душили досада и негодование. Но что он мог? В бега что ль податься? От таких невесёлых мыслей хлопец тяжело вздохнул и без разрешения сел на ближайший мягкий стул с резной спинкой. В другое время такое своеволие дорого обошлось бы крепостному, но сейчас Прохору было всё равно.

– Ну что ты приуныл, как красна девица без хлопца, – смягчившись и не придав значения тому, что он стоит, а его холоп уселся на дорогой стул, сказал пан Войховский.

– Радоваться нечему, – угрюмо буркнул Прохор.

– Ладно, Прохорка, теперь слушай меня внимательно. Никто тебя ни на какую расправу не отдаёт – вот всё, что тебе нужно знать.

– Егор Спиридонович, а может всё-таки не надо мне туда? – Прохор сделал ещё одну слабую попытку уговорить Егора Спиридоновича.

Голос его звучал подавленно. Он знал, что если паны договорились, то никакой холоп не переубедит их в обратном.

– Ты, Прохорка, не горюй. Знаю, о чём думаешь: о лесе, об охоте. Я тебе сказать могу лишь одно: всё будет зависеть от тебя. Придёшься там ко двору, покажешь себя с лучшей стороны – и жизнь твоя будет не хуже, чем здесь. А может быть даже и лучше. Короче говоря, готовься. В начале следующего месяца приказчик по моим делам в Каленковичи поедет, ну и ты

с ним. А там тебя встретят и заберут. Вот, кажется, и всё, – подвёл черту всему вышесказанному пан Войховский.

Этими словами он подвёл черту и под периодом жизни крепостного Прохора Григорьевича Чигиря, прожившего под родительским кровом двадцать лет.

После ухода Прохора, пан Войховский долго думал о его дальнейшей судьбе и, конечно же, не мог обойти воспоминанием охоту на медведя-шатуна...

Тогда, после той роковой охоты, Войховский и Семён Игнатьевич уже дома, заметно успокоившись, осмотрели ружья и поняли, что в медведя стреляли из ружья Прохора. Скорее всего, Андрей в шоке забыл взвести курок. Прицелился, а выстрелить не смог. Выстрел же Прохора он в горячке принял за свой, с задержкой и без отдачи. Всё это понять можно... Панычу в тот момент не об этом думалось, да и вряд ли он был в состоянии тогда о чём-либо вообще думать.

Егор Спиридонович и пан Хилькевич условились ничего не говорить Андрею. Решили, что пусть молодой Хилькевич думает, будто медведя застрелил он.

Пан Хилькевич тогда расстроился, что попусту обидел Прохора. Хотел подарок дорогой ему сделать – ружьё хорошее подарить. А потом ещё был жаркий спор и... пари – чёртово пари!

Прервав воспоминания, Егор Спиридонович тяжело вздохнул и в сердцах произнёс: «Лучше б он ружьё подарил...»

Намерение купить Прохора мёртвой хваткой оседлало пана Хилькевича, и на прощание он сказал: «Письмецо пришлю! Отказа, Егор Спиридонович, не принимаю! До скорого!» И уже отъехав, он издали выкрикнул: «Он не должен знать! Помните об уговоре!»

Глава 10

Перед самым рассветом в конце апреля Гришак и Агафья провели сына на панский двор, где уже была готова к выезду повозка.

Пан Войховский, не поленившись встать в такую рань, давал последние наставления своему приказчику, при этом было видно, что он просто дожидается Прохора.

– Доброе утро, – понуро поздоровался Прохор.

– Доброе, – ответил пан Войховский и, грустно глядя в глаза бывшему своему крепостному, спросил: – Как настроение?

– Да какое уж тут настроение...

– Прохор, я искренне хочу, чтобы это утро для тебя на самом деле оказалось добрым. Мы столько вёрст отмерили, бродя вместе и по лесам, и по лугам... Знаю, что для тебя лес и охота – это жизнь. Но ты не волнуйся, у Семёна Игнатьевича эта твоя «жизнь» продолжится. Поверь, мне будет не хватать тебя, но сам понимаешь... у панов свои законы, свои обстоятельства... и надо им подчиняться. Ну, в общем, удачи тебе и с богом! И передавай от меня поклон пану Хилькевичу и вот это письмецо.

– Передам, – тихо промолвил Прохор и протянул руку.

Егор Спиридонович вдруг отнял конверт от руки Прохора и, пристально глядя ему в глаза, неожиданно спросил.

– Даёшь слово, что не подашь в бега?

Прохор даже растерялся малость. По правде говоря, такие мысли у него кружились и сейчас.

– Прохор... от этого слова будет зависеть не только твоя дальнейшая жизнь, – пан Войховский бросил взгляд на родителей Прохора, – но и твоих родных.

Прохор всё понял. И тут обложили!

– Не убегу, – буркнул он.

– Я тебе верю. Не подведи меня, – сказал Войховский и вручил Прохору конверт.

Хлопец окончательно поник. Ему так не хотелось покидать родную хату, родной край, к которым прирос душой и сердцем.

Забросив свой негромоздкий багаж в бричку и на прощание поцеловав отца с матерью, Прохор сказал:

– Сильно не горюйте! Бог даст, свидимся! Прощайте!

– С богом, сынок, – рыдая, мать вдогонку перекрестила повозку, увозящую её сына.

«Не горюйте! – в сердцах передразнил Прохор свои слова, а у самого слёзы так и наворачивались. – Как же тут не загорюешь, когда такое происходит?!» Хотя он и давал себе слово, что не станет оглядываться, но не сдержался, оглянулся. И так сиротливо издали выглядели его родители, что сердце сына зашлось от жалости и к ним, и к себе.

А родительским сердцам было и того горше.

– Вот и нема уже с нами Прохорки, – тяжело вздохнул Гришак.

Постояв ещё немного, пока бричка не скрылась из виду, поникшие батька и мать медленно поплелись к своей избе. Издали глядя им вслед, Егор Спиридонович наполнялся гадким чувством вины перед своими крепостными. Такого с ним раньше никогда не было...

Выехав из имения пана Войховского ранним утром, Прохор с приказчиком к вечеру одолели большую часть пути. Заночевав в какой-то придорожной корчме, на следующий день они добрались до Каленкович лишь после полудня, основательно опоздав к намеченному сроку. Обещанной пролётки из Черемшиц на условленном месте возле церкви не оказалось.

– Прохор, у меня тут дело срочное... – сразу начал юлить приказчик, – сегодня надобно исполнить, а день уже на исходе. Ты подожди тут маленько... может, возникний ненадолго отъехал куда по надобности... А если никого и не будет, то спросишь дорогу на Черемшицы... да и забежишь своим ходом. Это, наверное, недалеко... Может, вёрст пять будет. Ну, бывай! Да письмецо от Егора Спиридоновича не потеряй! – уже на ходу выкрикнул приказчик и, круто вывернув повозку, помчался по своим делам.

Опешивший Прохор лишь только успел открыть рот, а говорить-то было уже и некому: повозка резво скрылась из виду, завернув за деревянную церковь.

Молодой селянский хлопец стоял один в незнакомой местности и с растерянностью смотрел вслед последнему из людей, кого он знал, и кто хоть как-то связывал его с родным уголком. На душе у Прохора вдруг стало до того тоскливо и одиноко, что он готов был кинуться вслед за уехавшей повозкой.

На улице в эту пору было немногочисленно. Редкие прохожие не обращали никакого внимания на хлопца, топтавшегося в растерянности посреди улицы.

Прохор не знал, как ему быть. Но, вспомнив слова приказчика, он решил подождать ещё немного: а вдруг и в самом деле за ним приедут. Осмотревшись и увидев недалеко под деревьями лежащую колоду, он направился к ней. Самое время малость подкрепиться.

Горбушка ржаного хлеба с салом да с едко-сладковатой луковицей казались проголодавшемуся парню царской снедью. Но не успел он прожевать и первый откушенный кусок, как откуда ни возьмись, перед ним возник невзрачный мужичок в потрёпанной одежде. Глаза его жадно смотрели на хлеб, а кадык под небритой щетиной дёргался, словно он сам уже глотал этот хлеб.

– Бог в помощь, – сказал мужичок в латанной-перелатанной свитке.

– Угу, – в благодарность кивнул головой Прохор и, проглотив еду, привычно добавил: – Говорил бог, чтоб и ты помог.

– Благодарствуем, в такой помощи мы никогда не отказываем! – протараторил незнакомец и быстро присел напротив.

Его грязные руки тут же разломали краюху хлеба на две неравные части. Сравнив их взглядом и, словно взвесив в руках обе половинки, мужичок уверенно, без всякого зазрения совести положил обратно на развёрнутую холстину меньший кусок. Сало было порезано

небольшими ломтиками, но это не ввело незваного гостя в глубокие раздумья: сразу несколько кусочков скрылись в его давно не мытой руке.

Прохор всё это время сидел с открытым ртом и изумлённо наблюдал за бесцеремонными действиями мужичка. И только сейчас до него дошло, что странный незнакомец ловко его провёл, тонко рассчитав на селянскую простоту.

Дело в том, что так уж принято в крестьянской жизни: на пожелание бога в помощь отвечали, чтобы и сам желавший помог. Мужичок, видимо, калач тёртый: точно знал, как сорвать приглашение к обеду. Такие нигде не пропадут. Хотя по затрапезному внешнему виду было видно, что жизнь не очень-то его балует.

Прохор внимательно оглядел мужичка, уплетавшего его еду, и пришёл к выводу, что это обыкновенный бездомный бедолага, промысляющий попрошайничеством да мелким воровством.

– Из местных али из хутора какого приبلудился? – спросил Прохор.

– Угу, – теперь уже мужичок с забитым едой ртом кивнул головой.

– Что «угу»?

– Местный я, местный. Каленковицкий, – наконец прожевав, ответил мужичок.

Ещё некоторое время Прохор молча продолжал наблюдать за непрощеным гостем, который не обращал совершенно никакого внимания на устремлённый на него пристально-изучающий взгляд. Он не мог себе позволить отвлекаться по таким пустякам. В сей момент крайне важно выполнять первостепенную задачу – как можно плотнее набить брюхо.

Смирившись с исчезновением доброй части еды, Прохор мирно произнёс:

– Названия у вас тут красивые: Черемшицы, Калинковичи.

– Не Калинковичи, а Каленковичи.

– А я уж думал, что Черемшицы – от черёмухи, Калинковичи – от калины.

– Черемшицы – так, а Каленковичи – не, – особо не отвлекаясь, отвечал мужичок.

– А отчего ж тогда такое название у местечка?

– Долгая песня, – сказал гость и, внимательно глянув на Прохора, решил, что в благодарность за угощение он сможет всё же уделить ему немного своего драгоценного времени.

– Ну, да так уж и быть, слушай... – начал мужичок. – Мне когда-то дьяк один рассказывал – шибко грамотный был и знал много всего всякого... Ну так вот, он говорил, что давным-давно где-то был князь по прозвищу Каленик. И было у того князя два сына-смельчака и дочка-красавица. И в ту пору по землям нашим басурмане люто гуляли, разбой творили, убивали, грабили, людей в полон уводили.

Князь Каленик собрал дружину и встал на защиту православных, выслеживал отряды басурман и громил их нещадно.

Однажды возвратился князь домой после сечи с басурманами, а дом его разорён другим отрядом. Многие люди перебиты. Князь очень переживал за судьбу дочери и сыновей, оставленных для защиты дома. Всех мёртвых переглядели – нет среди них ни княжны, ни братьев её.

И тут один уцелевший старик поведомил, что храбро сражались все защитники замка, но силы были неравны. Спасая сестру, братья с немногочисленной дружиной ушли к Припяти. Вскоре, заметив это, вороги кинулись в погоню. Словно стая волков, басурмане неотступно шли по следу, – складно говорил мужичок, не забывая при этом с завидным аппетитом уминать чужие харчи.

Видимо, спешка при еде, да ещё всухомятку не пошла рассказчику впрок. Он на мгновение замолк, глаза покраснели от натуги – и громкая отрыжка облегчила его нутро.

– Давно не ел, – оправдываясь, произнёс мужичок.

– Ну, а что там с княжной случилось? – поинтересовался Прохор.

– О, княжна... Басурмане были наслышаны о красоте княжны, и, видать, их самый старшой – хан или как его там – решил силой взять её к себе в наложницы.

Вот на этом месте басурмане и настигли беглецов, – задумчиво сказал мужичок, кивнув головой на церковь. – До последней капли крови сражались сыны князя Каленика... до последнего дыхания... Вот.

А когда князь спешно прибыл на подмогу, то она уже и не понадобилась. Сложили сыны головы в неравном бою... Их изрубленные тела покоились рядышком, а вокруг во многом количестве лежали поверженные басурмане.

Пустился князь в погоню, чтоб дочку свою из полона вызволить, да вскоре и её нашёл. Лежала княжна в высокой траве... В лице ни кровинки, ни соринки, всё такая же красавица... только в девичье сердце был вонзён кинжал, самым князем подаренный. И понял князь, что покончила с собой его дочка, чтоб не терпеть позора и унижения.

Вот тут и похоронил князь Каленик своих детей вместе и, вонзив меч в землю, выкрикнул: «Быть тут поселению! Каленковичами именоваться ему!»

Вот такую историю поведал мне дьяк, закончил свой рассказ мужичок.

– Интересная история, жалобная...

– Жалобная, – согласился рассказчик. – Только вот дьяк говорил, что это, видать, сказка. А по правде всё куда проще. Через наши Каленковичи тракт проходит на Бобруйск. Так вот дорогу тут пробили в обход болота великого, и получился крюк, колено, так сказать. Вот отсюда и пошло, наверное, такое название. Хотя кто его знает, а может и вправду был князь Каленик...

Перебросившись ещё несколькими малозначащими фразами, мужичок вдруг спросил Прохора:

– А ты кто будешь-то? Что-то я тебя раньше тут не примечал.

– Я до маёнтка пана Хилькевича добираюсь. В Черемшицы мне надобно. Слыхал про Черемшицы?

Мужичок странно покосился на Прохора и ответил:

– Ага, как же, не слыхал! Тут про Черемшицы все наслышаны! А я так вообще тут всё и про всех знаю! И меня каждая собака знает! А ты вот по какому делу до пана, коли не секрет?

Прохор задумчиво посмотрел на скатывающееся к закату солнце, задумался ненадолго и ответил:

– На муки мученические иду... Угроздило для тамошнего пана без вины виноватым стать. Вот и купил меня с умыслом. Для потехи... панской.

Нищий едва не подавился. Вытаращив глаза, он сочувственно произнёс:

– Да-а, хлопче... Пан серчает – мужик кровью харкает. Слухай, а ты не ходи туда.

– Как это «не ходи»?

– Есть тут одно местечко... Тебе туда надобно, – подавшись к Прохору, зашептал нищий.

– Людишки вольные там гуляют.

– Разбойники, значит, – разочарованно догадался хлопец.

– Ну... это для панов они разбойники, а для тебя друзьями будут. И дорожка туда как раз в сторону Черемшиц. Леворуч с тракта возьмёшь – и свободен!

– Я слово дал, что не сбегу.

– Слово не верёвка. Как это оно может держать? – несказанно удивился нищий.

Прохор оценивающе посмотрел на нищего и тихо произнёс:

– Тебе не понять.

Прохор свернул остатки трапезы в холстину, спрятал в котомку и, хлопнув ладошками себя по коленям, с наигранной бодростью вздохнул.

– Вон уж и солнце клонится к вечеру. Встретить меня тут должны были, да что-то никого не видно. Придётся самому добираться. Меня сюда приказчик пана Войховского доставил, так он говорил, что до Черемшиц вёрст пять будет.

– Ну, я ни о твоём Войховском не слыхал, ни приказчика твоего не ведаю. А вот то, что до Черемшиц не меньше пятнадцати вёрст будет, это я тебе точно скажу. Можешь поверить слову Васьки Кота! – убедительно заявил мужичок и с гордостью ткнул себя пальцем в грудь.

– Мне не привыкать, – вздохнул Прохор. – По темноте да по бездорожью ходить я привычен. Однако с дороги не сбиться бы. Ни к чему ночью лишние круги наматывать.

– Вот то-то и оно – не сбиться! Тракт народом да возами натоптанный, дорога видная, тут-то не собьёшься. А вёрст через десять свернуть надо будет на лесную дорогу, ведущую в Черемшицы... Вот где не сбиться бы! Да-а... Было бы сегодня воскресенье – обязательно шли бы подводы с базара. А так... не советую идти ночью, да ещё и в ту сторону. В последнее время слишком уж много народу у этих Черемшиц с дороги сбивается. Послухайся, хлопче, совета Васьки Кота. Переночуешь где-нибудь, а утречком и пойдёшь. Я бы тебя с собой позвал, но ещё сам пока не знаю, где голову приклоню на ночлежку. Хаты-то у меня нема. Так вот и живу...

– Если до Черемшиц пятнадцать вёрст, то, пожалуй, мешкать не стоит, – решительно сказал Прохор.

– Хлопче, я ведь неспроста отговариваю тебя переться супротив ночи в дорогу. Недобрая молва ходит про те места.

– Во как! И что ж там такого недоброго? – не поверив Ваське Коту, повеселел Прохор.

Его собеседник придвинулся ближе и, словно заговорщик, таинственно начал речь вести:

– Люди в тех местах поодиночке боятся из дому выходить. Особенно в лунную ночь. А всё ведьма страху нагнала. Объявилась года полтора-два назад, на болотах тамошних осела. Говорят, сначала всё ворожила да шептанием всяким занималась, а потом, знамо, мало ей этого стало. Душу анчихристу продала. А к ней всё равно людишки идут, да только не хворые да убогие, а с такой же темной душонкой. Вот и пошло лихо твориться по окрестностям. Так что не ходил бы ты, хлопец, сейчас никуда. И луна-то в эти дни вся блином округлилась.

– Та-аак! И что, никто не может найти управу на эту ведьму? – всё ещё не принимая всерьёз слова мужичка, поинтересовался Прохор.

– Говорят, пробовали один помещик с приставом и ещё с кем-то из сельской общины сунуться к ней, так потом три дня дома на печках сидели, дрожа от страха. После этого и скумекали, что лучше не связываться с этой шельмой. Вот тебе и «та-а-ак!» – передразнил Прохора мужичок.

– И это тебе сам тот помещик с приставом рассказывали?

Прохору всё равно мало верилось в то, что поведал ему Васька Кот. Скорее всего, людская молва, как всегда, приукрасила и преувеличила какое-нибудь недоразумение с обыкновенной бабкой-шептухой. Хотя дыма-то без огня не бывает.

– Ну что ты как Фома неверующий! Для твоего же блага предостерегаю. Потолкайся на воскресном базаре среди людей – все новости узнаешь! В последнее время только и разговоров про эту ведьму, – с жаром говорил Васька Кот, но видя, что ему всё равно не поверил и не испугался незнакомый хлопец, отвернулся к церкви и, перекрестившись, добавил: – Вот те крест, истинную правду говорю!

– На базаре небось крадёшь маленько, а? – будто и не слыша Васькиной клятвы, спросил Прохор.

Такой резкий поворот сконфузил мужичка, и он как-то сразу насупился, но врать не стал:

– Всяко бывает... особенно, когда есть сильно хочется.

«Не соврал, – невесело подумал Прохор. – Может и в самом деле переждать ночь где-нибудь в местечке?» Он вынул обратно уже спрятанную в котомку холстину с едой и молча протянул мужичку.

Тот еду взял и сокрушённо посмотрел на Прохора.

– Всё равно не ходи... молодой ведь. Не ровен час пропадёшь. Года ещё не прошло, как схоронили там панского приказчика. По делу иль просто так, не знаю, стеганул он ту ведьму кнутом и сам сгорел, как лучина.

– Да ну! Прямо так огнём и взялся?

– Не, не огнём. Это я так, к слову. Черемшинцы рассказывали, что мертвец к нему после того приходил в полночь. Перепугался приказчик крепко. И начал здоровый мужик сохнуть без причины. Ни лекари, ни знахари не помогли. Подробностей не знаю, но недолго он протянул. Детишки сиротами остались...

Наступила пауза в разговоре. Оба молчали; каждый думал о своём. Затем Васька Кот, вспомнив, что упустил важную подробность, живо заговорил:

– А у ведьмы-то той, говорят, дочка есть. Красивая девка... а с матерью своей не в ладах.

– Это отчего ж дочке с матерью не ладить?

– А бес их знает! Говорят, что девка к людям рвётся, а ведьма не пускает, к колдовству приобщить её хочет. И девка красивая, а жаль, что в лесу прозябает одна... Ей бы в обчество – враз бы за какого-нибудь пана замуж выскочила...

– Ты так говоришь про её пригожесть, будто сам бачив ту дочку ведьмы.

– Бачив, не бачив, а раз говорю, значит, знаю.

Росказни Васьки Кота о девушке на время отвлекли хлопца от мрачных мыслей о самой ведьме. Но время шло, и надо было на что-то решаться. Прохор знал, что если смалодушничает и не доберётся сегодня до маёнтка пана Хилькевича, то завтра ему будет очень противно за свою слабость. «Что ж, идти так идти», – окончательно приняв решение, подумал он.

– Ладно, Васька Кот! Рассказываешь ты мне тут страсти-мордасти, а время не терпит. Идти надобно. Авось не пропаду! – закидывая котомку за плечи, бодро произнёс Прохор.

– Ну, как знаешь. Дело хозяйское. По какой дороге идти я тебе уже указал, так что, коль решил, ступай с богом...

Спустя четверть часа Прохор уже спешно шагал по наезженной возами дороге, оставив позади окраинные хаты Каленкович. Изредка попадались прохожие. Одних Прохор обгонял, другие – этих было больше – шли во встречном направлении, к местечку. И чем дальше он отходил от Каленкович, тем пустыней становился тракт. А на дворе уж и сумерки начали сгущаться. Потянуло вечерней прохладой.

До первого хутора в две хаты Прохор добрался поздним вечером, почти ночью. В низких окнах одного из строений мерцал свет. Громко залаяла собака. Её дружно поддержала и соседняя дворняжка. Скрипнула дверь, и на пороге одной из хат появился рослый бородатый крестьянин. Вглядываясь в темноту, мужик грозно спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.